

18+

Дорогой

ВРАГ

КРИСТЕН КАЛЛИХАН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *NEW YORK TIMES*

Кристен Каллихан
Дорогой враг
Серия «Freedom. Сенсационные
любовные романы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69210607
Дорогой враг / Кристен Каллихан: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-186818-5

Аннотация

Мы ненавидим друг друга с самого детства. Мейкон Сэйтн всегда был хорош собой, но я знаю, что он – сущий дьявол. Вдобавок к его скверному характеру он еще и встречался с моей противной сестрой Самантой. Так себе расклад. Когда Мейкон и Сэм расстались, я была безумно рада! Думала, больше никогда его не увижу.

Но я ошиблась. Десять лет спустя мне пришло сообщение.

Сэм украла ценную вещь у Мейкона, а он – восходящая звезда Голливуда. И этот наглец намерен идти в полицию.

Чтобы выплатить долг Саманты, я стала... личным поваром и помощницей Мейкона Сэйнта! Хуже не придумаешь. Как и в детстве, между нами летают искры. Только если раньше они имели привкус горечи, то теперь я чувствую сладость.

Надеюсь, мой новый рецепт по выплате долга не обернется полной катастрофой.

Содержание

Пролог	7
Глава первая	25
Глава вторая	43
Глава третья	51
Глава четвертая	68
Глава пятая	95
Глава шестая	104
Глава седьмая	120
Глава восьмая	140
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Кристен Каллихан

Дорогой враг

Kristen Callihan

DEAR ENEMY

Copyright © 2021. DEAR ENEMY by Kristen Callihan

© Белякова А.С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Дизайн обложки Оскаровой К.

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Natalya Levish, DiViArt, Kate Macate / Shutterstock.com В

оформлении переплета использованы иллюстрации: © Look Studio, Ines Behrens-Kunkel, Ortis / Shutterstock.com

* * *

Я бы с легкостью простила ему его гордость, не задень он при этом мою.

Джейн Остин. «Гордость и предубеждение»

Пролог

Десять лет назад

Старшая школа Шермонта, Шермонт, Северная Каролина

Интервью для выпускного альбома

Вопрос 1: *Если бы вам пришлось снова и снова ходить в старшую школу, вы бы согласились?*

Мейкон Сэйт: *Да вы должно быть шутите? Нет, конечно.*

Делайла Бейкер: *Это вопрос с подвохом? Мой ответ – нет.*

Вопрос 2: *У кого из ваших одноклассников большие шансов добиться успеха?*

Делайла Бейкер: *О, да бросьте. Для всех очевидно, что это Мейкон. Не сказать, конечно, что он того заслуживает.*

Мейкон Сэйт: *Я. И Делайла Бейкер. Она как пиявка, вопьется в вас и не отлипнет, пока не добьется своего.*

Вопрос 3: *Кого бы вы выбрали в союзники в случае вторжения пришельцев?*

Мейкон Сэйт: *Делайла Бейкер. Она бы визжала так сильно и громко, отчего пришельцы сразу же бы развернулись и улетели.*

Делайла Бейкер: *Мейкон Сэйт. Я бы кинула его им, выигрывая ценные секунды для спасения собственной жизни.*

Вопрос 4: *Самый памятный момент в старшей школе и насладились ли вы им?*

Делайла Бейкер: *Получение диплома. Да.*

Мейкон Сэйт: *Выпускной. Ни черта.*

Мейкон Сэйт – дьявол во плоти. Любой здравомыслящий знал об этом. Впрочем, когда речь заходила о Мейконе, у каждого моего одноклассника всякое здравомыслие, похо-

же, развеивалось. Все они вились вокруг Мейкона, словно он бог. Я подозревала, что это и был истинный признак дьявола: превращать людей в наивных дураков, когда им следовало включать мозги.

Не то чтобы я винила их. Красота превратила нас всех в дураков. У Мейкона было лицо ангела – столь прекрасное, что ты задаешься вопросом: «Неужто оно и впрямь сотворено рукой Бога?» – черные волосы, такие густые и блестящие, что над ними вполне мог парить нимб. Вот настолько он был прекрасен. И его единственным соперником во внешнем превосходстве над остальными людьми была моя сестра – Саманта.

Пока остальные из нас вступали в подростковый период, неловко сбрасывая оперение гадкого утенка и без особого изящества борясь с быстрым всплеском роста, кривыми зубами и другими особенностями, которые развивались быстрее, чем у других, Мейкона и Саманту это обошло стороной.

Они прекрасно подходили друг другу: оба без прыщей на лице и с идеальной фигурой. Они были светом, борющимся с тьмой пубертатного периода. Неудивительно, что за время учебы в средних и старших классах они то сходились, то расходились. Самая красивая пара.

Пара, превратившая мою жизнь в ад.

Холодный и зачастую молчаливый Мейкон нередко смотрел на меня так, словно не мог понять, почему мы дышим одним воздухом. Пожалуй, это было единственное, в чем мы

сошлись. Потому что в остальном мы сходились так же, как снег и соль.

Когда я впервые увидела Мейкона, он стоял на лужайке перед огромном особняком, который многие поколения принадлежал семье его матери. Вцепившись в бейсбольный мяч, Мейкон наблюдал, как я разъезжала на велосипеде по дороге туда и обратно. Он был тощий, как щепка, и на пять сантиметров ниже меня. Я чувствовала себя странно – хотела защитить его, полагая, что он был несчастным. Я быстро поняла, как ошибалась.

– Привет, – сказала я Мейкону, остановившись на велосипеде перед его домом. – Я переехала в дом ниже по улице. Может, тебе нужен новый друг?

И тогда он взглянул на меня. Темными, мрачными глазами, глубокого карего, почти черного цвета, обрамленными густыми, длинными ресницами. Эти глаза девушки называли красивыми и сходили с ума по ним на протяжении всех школьных лет. Как по мне, они были холодными и расчетливыми. Мейкон прищурил их, глядя на меня.

– Ты глупая или что?

Его слова были как пощечина.

– Что?

Он пожал плечами.

– Я так и думал.

Я не поняла этого мальчика, поэтому повела себя вежливо, как и учила мама.

– Почему ты назвал меня глупой?

– Я живу здесь всю свою жизнь. И ты думаешь, я не замечу, как кто-то новый переехал на мою улицу? И думаешь, мне нужен друг?

– Я просто старалась быть дружелюбной. Моя ошибка.

– Дружелюбной? Говоришь как бабулька.

Вежливость явно была не для болванов.

– Ты – тупица.

Услышав это, он задрал подбородок, на котором виднелась ссадина вдоль линии челюсти.

– А ты меня раздражаешь.

И что бы я ни сказала после, это было бы пустой тратой времени, поскольку в этот момент появилась Саманта. Она была младше меня всего на десять месяцев, и таких, как мы, люди обычно в шутку называли ирландскими близнецами¹. Но, когда люди обращались к нам, это выражение приобретало темный подтекст. Поскольку все, у кого были глаза, замечали, что у меня мало общих черт с остальными членами семьи.

Сестра улыбнулась, поправляя свои светлые блестящие волосы, заплетенные во французскую косу. Без передних молочных зубов Саманта напоминала хулиганку.

– Не обращай внимания на Делайлу. Наша бабушка Белла называет ее недружелюбной.

Вот поэтому я больше люблю бабушку Мейв.

¹ Так называют детей погодок.

Сэм сморщила свой прелестный носик.

– Думаю, попросту сказать – злючка.

Противный мальчик посмотрел на меня из-под чернильной челки и ответил моей сестре:

– Так и есть.

Я фыркнула.

– Высказывать собственное мнение, противоречащее другим, не значит быть злючкой. Это значит иметь мозги. К сожалению, у вас обоих их нет.

От этих слов Сэм громко и наигранно рассмеялась, сильно похлопывая меня по плечу.

– Она такая шутница. – Сэм предупреждающе сжала мое плечо, послав мальчику широкую и лучезарную улыбку. – Я Саманта Бейкер. А тебя как зовут?

– Мейкон Сэйт.

– Мейкон? Рифмуется со словом «бекон». А я люблю бекон. О, и Сэйт² тоже клево. У тебя ангельская внешность. Не как у девчонки, конечно. Как у парня-ангела. Могу я звать тебя Сэйт? Ты живешь в этом огромном старом доме? Он такой красивый. Ты любишь печенье с арахисовым маслом? Моя мама только что приготовила их.

От ее словесного потока Мейкон заморгал, и я ждала, что он отчитает Сэм так же, как меня, поскольку даже я захотела сделать это из-за ее болтовни. Но мальчик лишь ухмыльнулся в той манере, которую я скоро научусь распознавать и

² Saint (англ.) – святой.

ненавидеть.

– А ты, похоже, не такая злючка, да?

От того, как Мейкон произнес это, со скользкой ухмылкой на лице, я поняла, что он намекает на отсутствие мозгов у Сэм и что его это устраивает. Но она этого не заметила.

– Не-а, – просияла она. – Я веселая.

Я закатила глаза, но никто из них не обратил на меня внимания, им было все равно. Мейкон пошел с Сэм есть печенье, а я официально стала третьей лишней. Так я потеряла временного союзника-сестру, получив занозу в заднице в лице глумливого мальчика.

Два года спустя Мейкон подрос на несколько сантиметров и превратился в парня, по которому сохла вся школа. А Сэм стала его девушкой. Это во многом и предопределило все. Мейкон начал появляться в моем доме чаще, чем следовало. Валяться на моем диване, забирая пульт от телевизора, чтобы посмотреть спортивные программы; сидеть за обеденным столом и разогревать остатки еды, как это люблю делать я, когда родители не видят. Но хуже всего то, что мне было больно находиться рядом с ним. Рядом *с ним*. Потому что я всегда чувствовала себя обделенной.

У меня никогда не было свиданий или парня. Никто не приглашал меня погулять, а я не знала, как спросить кого-то. Я была просто Делайла, вечеринка на одного. Даже друзья, которых я нашла, не хотели проводить время у меня дома, боясь столкнуться с Сэм и Мейконом, поскольку те их запу-

гали. Именно поэтому я либо ходила в гости к другим, либо набиралась смелости и оставалась наедине с прекрасной парочкой.

В старшей школе мы с Мейконом часто препирались, когда попадали в поле зрения друг друга. Но лишь в конце выпускного класса моя неприязнь переросла в лютую ненависть.

– Мы с Мейконом собираемся вместе на выпускной. – Победно улыбнулась Сэм, открыв дверь своего шкафчика рядом с моим.

Я лишь мельком взглянула на сестру, засовывая футляр для скрипки в шкафчик.

– Сэмми, на это заявление хочется ответить «Что ж, ладно». Выпускной только через месяц, зачем ты мне сейчас об этом говоришь?

Сэм закатила глаза.

– Ты можешь хотя бы порадоваться за меня?

– Порадоваться за что? За отношения с дьяволом? Или за то, что ты опустила планку настолько низко, что все последующие твои отношения покажутся победой? – я пожала плечами. – Пожалуй, это хороший план.

– Ты просто завидуешь, потому что у самой нет отношений.

– Отношения, – усмехнулась я. – Да ты встречаешься с куклой Кеном, причем без капли индивидуальности. Так что я предпочту пойти на выпускной одна, чем с кем-то похо-

жим.

– Врунишка. Готова поспорить, если Мэтти Хейз пригласит тебя, то ты сразу побежишь. – Черт бы побрал Сэм за то, что она увидела то, чего мне не хотелось. Я была немножко влюблена в Мэтти. Сэм ухмыльнулась, читая меня, как дешевую прессу. – Возможно, он пригласил бы тебя, приложи ты немного усилий к своей внешности.

– Черта с два он бы это сделал. – Это заявление прозвучало глубоким, уверенным голосом. Не моим.

Я напряглась, по мне прошлась холодная волна страха от звука его прекрасного голоса, грохочущего где-то над моей головой.

Мейкон прислонился плечом к краю моего шкафчика, глядя на меня насмешливыми глазами из-под копны своей дурацкой прически в стиле Зака Эфрона. Всякий раз, когда я смотрела на Мейкона, внутри меня, где-то в области солнечного сплетения, зажигались неведанные эмоции. Он был великолепен, безусловно, но не он вызывал эти чувства, а его глаза. Они обжигали, словно могли снять с меня кожу и проникнуть прямо в сердце.

Мама всегда говорила, мол, я выдумщица, но это-то правда: играть в гляделки с Мейконом было подобно попаданию под грозовой шторм. Ты выбираешься из него слабым, запыхавшимся и слегка уставшим.

– Не припомню, что просила тебя присоединиться к разговору, – сказала я.

Он фыркнул.

– А мне и не нужно приглашение. И у тебя нет шанса с Хейзом. Ему нравятся глупые и стройные девушки. Ну знаешь, похожие на Барби.

Комментарий про стройную больно задел меня. Очевидно, он услышал мои слова про куклу Кена. Но мне было плевать, больше мне нечего было ему сказать. А вот Мейкону, наоборот, хотелось что-то мне ответить. Он стоял лицом к лицу со мной в коридоре перед обедом, его темный, дикий взгляд скользил по мне, ноздри осуждающе раздувались.

– В этом платье ты похожа на картофельный шарик, Бейкер.

Мне стало ненавистно от внезапного чувства сожаления, что я надела вязанное платье верблюжьего цвета, которое сочеталось с замшевыми сапогами до колен. И от того, что я мгновенно почувствовала себя картошкой под его оценивающим взглядом.

Но я не позволю Мейкону Сэйнту увидеть это.

– Многим известно, что внешность – не главное, Мошенник. – Потому что он именно таким и был – прекрасным лжецом. – Красота увянет, а уродство внутри тебя в конечном счете выйдет наружу.

После этих слов Мейкон выпрямился, угрожающе нависнув надо мной.

– Надо полагать, ты из тех людей, которые ставят внешность на второй план и любят человека за его личность?

Я почувствовала себя загнанной в ловушку. Я не знала, куда этот разговор приведет и как его избежать. Высоко задрала подбородок и сохранила спокойствие.

– Да.

Мейкон кивнул, словно подтверждая что-то, только ему известное, и наклонился ближе.

Когда большинство парней в этом возрасте зловонно пахли спреем для тела из супермаркета, от Мейкона исходил аромат мыла из кедровых орешков и феромонов.

– Скажи мне, Картофельный Шарик, те полуголые пожарные, которых ты повесила в своей комнате и по которым сохнешь, тоже имеют красивую душу?

Вся кровь хлынула с моего лица, оставляя после себя покалывающее ощущение.

Улыбка Мейкона глубоко ранила.

– Я ни за что не поверю, что тебе нравится Хейз за его интересную личность. Ты ведешь себя высокомерно и горделиво, хотя на деле ты падка на внешность, как и все мы. По крайней мере, у меня хватает смелости признать это.

Знаете, что самое ужасное в этой ситуации? Что он был прав. Я захлопнула шкафчик и побежала прочь.

– Было очень забавно, Картофельный Шарик, – крикнул он мне вслед, насмехаясь. *Громко насмехаясь.* А когда Мейкон Сэйнт что-то говорил, то люди впитывали это.

Во время обеда в столовой можно было услышать хихиканье со словами «Картофельный Шарик». Ужас только раз-

росся, когда на следующий день в меню подавали жареный сыр и картофельные шарики. Десятки этих маленьких коричневых картофельных кусочков летели в мою сторону. На мне висело клеймо, данное королем старшей школы Шермонта, и все относились ко мне соответствующе.

Издательства дошли до такой степени, что я едва не отказалась идти на выпускной. В конце концов в это вмешалась Сэм и завела меня в мою комнату, чтобы поговорить.

– Не позволяй Сэйнту задевать себя. Он от этого получает удовольствие. – В серо-голубых глазах сестры не было намека на хитрость, когда она схватила меня за руку. – И, по правде говоря, это круто, что он дал тебе прозвище. Больше ни у кого его нет. Даже у меня. – Она нахмурилась, будто только что это поняла, и ей это не понравилось.

– Картофельный Шарик – не прозвище, – сорвалась я, – а оскорбление, и ты тоже всегда можешь его получить.

– Нет. – Саманта помотала головой, перекинув свои прямые блестящие волосы через плечо. – Мне нужно кое-что другое. Что-то, что будет отражать нашу глубокую связь.

Я прекрасно умела держать рот на замке, но неожиданно слова сами по себе вылетели из меня.

– Как насчет Самовлюбленная? Поскольку вы оба любите глазеть в зеркало.

Как только я произнесла это, то поняла, что это было грубо. Прекрасное лицо сестры стало ярко-розовым, и она прыгнула с моей кровати.

– Сэм, я не это хотела...

– Нет, – резко процедила она. – Ты сказала то, что сказала. А знаешь, Сэйнт прав, ты просто не можешь нормально общаться с людьми.

– Прости, я не могу удержаться от словесной иронии, – парировала я.

– Все всегда оборачиваешь в шутку, – процедила Сэм, хотя я даже не шутила. Она скрестила руки на груди. – Твоя проблема в том, что ты знаешь правила игры.

– Игра? Жизнь не игра.

– Брехня. Жизнь всегда была и будет игрой. Улыбайся, хочешь ты того или нет; благодари людей, в состоянии они помочь тебе или поддержать. – Она загибала пальцы, пока произносила это все. – Когда они посчитают тебя милой, полезной и честной, по их мнению, то позволят вытворять что угодно.

– И ты думаешь, я должна быть такой? – перебила я. – Лицемеркой?

Сэм лишь пожала плечом.

– Лицемерка или нет, но благодаря этому успешные люди и добиваются таких высот. Они играют, находят союзников и реализуют свои планы.

– Если это успех, то я не хочу в нем участвовать. Я предпочту провалиться с чистой совестью.

Сэм громко выдохнула.

– Оставайся стервой, если хочешь, но я-то знаю, что ты

просто боишься идти на выпускной. Одна. – И с этими словами она выбежала из комнаты.

Так и было принято решение. Я отправилась с мамой покупать платье. Потому что никто не смел называть меня трусишкой. Я выбрала облегающее атласное платье в пол с короткими рукавами нежно-зеленого цвета. В нем я чувствовала себя неловко и голой, но мама поклялась, что я выгляжу прекрасно.

На выпускной я пошла одна. Безусловно, я знала, что не единственная пришла без пары. И все же не перестала меньше нервничать, пока шла по коридору отеля в бальный зал, где проходил выпускной.

Там я и увидела его.

Мейкон стоял в окружении своих друзей со скучающим выражением лица, а Сэм – рядом в центре. Понятия не имею, как он узнал о моем присутствии, но повернул голову в мою сторону как раз в тот момент, когда я зашла в зал. Наши взгляды пересеклись, и я замедлила шаг.

Облаченный в классический смокинг, идеально сидящий на его фигуре, Мейкон выглядел так... признаюсь, будто здесь ему было не место. Пожалуй, он должен был находиться в окружении красивых людей, тусоваться на яхтах и ходить по парижским подиумам. Не знаю, почему раньше я это не поняла: он не вписывался в наш город даже больше, чем я. Разница состояла в том, что, когда дело касалось Мейкона, никого не волновало, что он отличался, – люди просто были

счастливы находиться рядом с ним.

Я не помню, как шла, но мы оказались лицом к лицу друг с другом. Его темный взгляд скользнул по мне, а губы дернулись в холодной ухмылке.

– Ты пришла.

Ладно...

– А не должна была?

Хмурый взгляд Мейкона превратился в угрюмый, начав бегать по сторонам, словно того смутил мой внешний вид.

– Не думал, что придешь.

Я пожалала плечами, прекрасно зная, как выгляжу в этом шикарном платье, с макияжем и волосами, закрученными в легкие кудри. Я чувствовала себя не в своей тарелке, зато красивой.

– Прости, что разочаровала.

Когда Мейкон наконец ответил, его голос звучал низко, почти как шепот.

– Я не разочарован.

Мы оба замолчали, стоя в полной растерянности и недоумении. Может, он и не был разочарован, но и довольным не выглядел. Так же, как и я. Я не верила Мейкону Сэйнту. И, словно по молчаливому согласию, мы оба развернулись и направились в противоположные стороны.

Меня всю трясло, сердце бешено стучало, пока я шла в бальный зал. Большинство выпускников танцевали или слонялись небольшими группами. Вдоль зала установили длин-

ный шведский стол, и уже начала образовываться очередь за едой.

Я не обращала на выпускников никакого внимания, поскольку была слишком взволнована, чтобы думать о еде. Внезапно по всей комнате цепной реакцией прошелся изумленный смех. Словно питаясь собственной энергией, шум нарастал, становясь менее шокированным и более ехидным.

Его источник исходил от шведского стола, и когда я посмотрела в ту сторону, то увидела, как десятки глаз смотрят на меня. Краска расцвела на моих щеках, и я огляделась. *Все* смотрели на меня.

Меня охватила паника, когда я осознала, что медленно направляюсь к этому самому столу. Послышался смех, и по комнате разнесся шепот со словом «Картошка». И тогда я поняла. Еда.

Хрустящие картофельные шарики на каждом чертовом подносе. Они были повсюду.

Я не могла дышать. Боль пронзила все тело. Кто-то свистнул, и в меня полетели картофельные шарики, один попал в подол платья, оставив полоску жира вдоль атласной ткани. Я вздрогнула, моя кожа горела. На другой стороне комнаты стояла сестра, уставившись на меня широко раскрытыми испуганными глазами. Но она не двинулась ко мне. Казалось, она не могла пошевелиться.

Где-то в глубине я почувствовала, как Мейкон вошел в комнату. Он стоял в нескольких шагах от меня, глядя на

стол. Его друг Эммет крикнул:

– Отличный розыгрыш, Сэйт.

Все засмеялись. Я рвано хватала воздух ртом.

Мейкон ничего не ответил, лишь пристально смотрел мне в глаза. В его взгляде вспыхнуло что-то похожее на тревогу, странная смесь эмоций, которую я не смогла расшифровать. На одну секунду подумала, может, это сожаление, но затем он расправил плечи, словно ожидал разборку.

Гнев стучал в моих ушах.

В комнате повисла тишина, пока я шла к неподвижному Мейкону.

– Ты... придурок, – прошипела я. – Ты можешь одурачить их всех, но я знаю правду. В душе ты уродлив. Никчемная душа, которая *никогда* не найдет искупления.

На его безупречном лице вспыхнула злость, но он не сказал ни слова, лишь оскалил зубы, будто пытался сдержать себя. Но мне было все равно, я покончила с этим.

– Я искренне ненавижу тебя, – прошептала я, прежде чем выйти из комнаты.

В ту ночь я прижималась к маме, но не плакала, а лишь тряслась от унижения и гнева. Спустя час Сэм вернулась домой, ее макияж темными полосами стекал по щекам. Мейкон бросил ее.

– Он сказал, что покончил с сестрами Бейкер, – всхлипнула она, прижимаясь ко мне. – И что от меня одни проблемы.

Я хотела проявить сочувствие, но не смогла. Вместо этого

просто крепко обняла сестру.

– Тебе будет лучше без него. – Более верных слов и не придумать.

Сэм повернулась ко мне, обняв сильнее.

– Прости, Делайла. Я так жалею о том, что выбрала его, а не тебя. Прости меня за все.

Может, Мейкон Сэйнт и причинил мне боль, но тем самым он снова сплотил сестер Бейкер. Вскоре после этого наша семья переехала, и я больше никогда не видела его. Но шрам, который он оставил на моей душе, болел очень долго.

Глава первая

Делайла

Бабушка Мейв привыкла говорить, что ненависть делает тесто жестким; хорошая выпечка делается с любовью. С ненавистью я пока не разобралась, но мой стресс, казалось, впитался в каждую выпеченную мной булочку. Тесто стало липким и теплым, хотя должно быть пышным и охлажденным. Я перестаралась с ним, поскольку отвлеклась.

Бранч в честь маминого дня рождения состоится завтра, а от Сэм не было ничего слышно уже несколько дней. От Сэм, которая должна подготовить подарок маме, в то время как я готовила ужин. От Сэм, которая обещала, что найдет для мамы «ух-дивительный!» подарок и мне не придется отдавать ей деньги. Которые я все равно верну, поскольку у Сэм почти всегда их нет. Когда у нее их полно, это, как правило, означает неприятности.

Поверхность теста цепляется за мою ладонь, и я испускаю звук отвращения. Взбив тесто в общую массу, выбрасываю его в мусорное ведро и снова начинаю подготавливать свою рабочую поверхность. Я профессиональный повар, не кондитер, и мне это нравится. И все же я решительно настроена

повысить свой уровень.

Как только я открываю новый пакет дрожжей, на мой телефон приходит сообщение.

Неизвестный номер:

Сэм, если ты не притащишь сюда свою задницу через тридцать минут, то я звоню в полицию.

Текст казался настолько странным, что я просто уставилась на него, нахмутив брови. Не припомню этот номер, однако имя Сэм заставляет напрячься. Странно, что я подумала о своей сестре – Сэм. С другой стороны, Сэм – распространенное имя.

Этот Сэм может быть каким-то придурком, кто знает.

Экран телефона вспыхнул от нового сообщения.

Я серьезно. Я больше не клюну на твое «Я просто миленькая, хорошенькая южная красавица». Я знаю, что ты украла часы. И ты их ВЕРНЕШЬ.

Теперь я озадачена еще больше. Много раз Сэм обвиняла меня, что я жалуюсь на то, что она ведет себя как миленькая, хорошенькая южная красавица. Взглянув на телефон, я вспомнила, что сегодня первое апреля.

Закатив глаза, я отряхнула руки и схватила телефон.

Это, пожалуй, самая жалкая первоапрельская шутка, Сэм. Хотя бы притворись кем-то другим, а не собой.

Я сразу же получила ответ.

Ты издеваешься надо мной? Я ошибся номером?

Вот к чему ты клонишь? Хватит нести чушь. Живо. Возвращайся. Обратио.

Раздраженная, я печатаю ответ в более жесткой манере, чем обычно.

Это даже не номер Сэм, так что получается, это я вешаю лапшу ТЕБЕ на уши. Завязывай с этой ерундой. Я занята приготовлением сюрприза для мамы.

Брось. Я пробовал твою еду. Безопаснее было бы съесть консервы.

Ох, это низко и неуместно. Я открываю ответный огонь.

Знаешь, Сэм, ты ведешь себя как... стерва.

Наступает затишье, и я почти чувствую, как Сэм спрашивает себя, стоит ли ей прекратить этот цирк.

Ты только что процитировала фильм «Шестнадцать свечей»?³

Ну да. Это мой любимый фильм, несмотря на тот факт, что «ты» снялась в нем.

Я немножко улыбнулась. Меня всегда досаждало, что у главной героини было имя моей сестры, а не мое. И каждый раз Сэм пыталась уколоть меня этим.

Пришло следующее сообщение.

Это любимый фильм Делайлы. А вот ты, напротив,

³ Комедийный фильм 1984 года, в котором главную героиню зовут Саманта Бейкер.

не могла усидеть, чтобы досмотреть его до конца.
Прекрати меня отвлекать. Верни мне мои часы.

Я нахмурилась. Ее ответ какой-то странный. Сэм никогда не оскорбит себя. Особенно, если это правда. И она никогда не досматривает фильм до конца. Об этом знают только несколько человек. Сэм прекрасно умеет скрывать то, что считает своими недостатками. Плохая концентрация внимания не является для меня недостатком, а вот для Сэм напротив. Напряжение сковывает шею и плечи. Мне совсем не нравятся эти сообщения. Они не забавные, в них есть что-то странное.

Довольно. Я пеку. Придумай шутки получше.

Ответ не приходит, и я полагаю, что на этом все. Беру немного муки и измеряю нужное количество грамм, когда приходит новое сообщение от Сэм.

Делайла готовит и занимается выпечкой.

Не ты.

Мне не хотелось верить во что-то другое, кроме того, что Сэм пытается меня разозлить. Она прекрасная лгунья – профессионал, когда я – просто любитель. Но есть в этом сообщении что-то такое, тон, от которого веет истинным беспокойством, отчего во мне возрастает недовольство.

Я тянусь грязными руками к телефону и печатаю ответ.

Может, потому что я и ЕСТЬ Делайла (намекаю, что ты «тупица»).

Последовала еще одна более длительная пауза, пробравшая меня до костей. У меня скрутило живот, пока я ждала ответа. Больше это не казалось розыгрышем, хотя должно. Сэм хитрая.

Звук уведомления на телефон развеял тишину кухни.

Картофельный Шарик?

Я делаю резкий, болезненный вдох, чувствуя покалывание в пальцах. В комнате словно не осталось воздуха. Долгое время я просто стояла посреди кухни, в ушах звенело, а тело парализовало.

Помимо Сэм только один человек знает, что «Шестнадцать свечей» – мой любимый подростковый фильм. И есть только один человек, который нагло называет меня Картофельным Шариком.

Нет, я не буду думать о Мейконе Сэйнте. Видит бог, я изо всех сил старалась полностью стереть его из памяти. Но он как герпес, появляющийся время от времени, неприятный зуд, которому все равно, хочу ли я, чтобы он появлялся, или нет.

Стало хуже, когда Мейкон сыграл главную роль в сериале «Темный замок», благодаря которому сразил каждого жителя планеты, кроме, кажется, меня, наповал. До этого момента я не знала, что он – актер. И черт бы меня побрал, но я хотела посмотреть этот сериал. Теперь же только остается держаться подальше, поскольку каждый человек, которого я знаю, говорит о «Темном замке» в социальных сетях каждое

воскресенье.

Сэм была вне себя от радости от этой новости.

– Просто подумай, Ди, мы обе знаем кого-то знаменитого.

– Держи меня за руку, пока я пытаюсь не упасть в обморок от счастья.

– Когда ты говоришь с сарказмом, твое лицо слегка дергается, что делает тебя непривлекательной.

– А что с ним происходит, когда я высовываю язык? Не смотри на меня так. Я организовываю праздники в Лос-Анджелесе, Сэм. Я встречала много знаменитостей. И большинство из них не особо впечатлили.

– Но ты не знаешь их настоящих. Мы знали Сэйнта до того, как он стал знаменитым. Люди склонны показывать свою настоящую сущность, когда не гонятся за славой.

– Ага, ну, настоящий Мейкон – высокомерный засранец.

– Тьфу. Ты слишком долго держишь обиды.

– Слишком долго? По отношению ко мне он был колоссальным уродом долгие годы.

– Но это уже в прошлом. Ты тоже должна отпустить все обиды.

Тоже. Будто это ее толпа льстивых поклонников Мейкона обзывала Картофельным Шариком. Будто это в нее летели те хрустящие жирные закуски, когда она была наиболее беззащитной. С тех пор я не переносу картофельные шарики.

– Они показали его задницу в двух эпизодах, – безопасно

продолжала она. – И хочу тебе сказать, что она выглядит сексуально. То есть если говорить по шкале совершенства, то его сочный зад на твердую пятерку. Он определенно много работал над ней со времен школы.

Не желая говорить о заднице Мейкона и о том факте, что моя сестра видела или же не видела его задницу много лет назад, я сменила тему. Саманта знала, как сильно я ненавидела Мейкона. Однако то, что она использует его для розыгрыша, – это уже слишком. Гнев стремительно пронесся через каждую клеточку моего тела. Я неуклюже печатаю ответ, находясь не в себе.

Как смеешь ты приплетать сюда эту тупую задницу?

Тупую задницу? Я знаю только одного человека, который так говорит. Боже, Делайла, это и правда ты?

Я хочу закричать. Я хочу выкинуть телефон к черту и сбегать из кухни. Но главное, я хочу ударить свою сестру.

Иди к черту, Сэм. Считаю, что тебя не пригласили на бранч.

Это Мейкон. А ты в самом деле так сильно меня ненавидишь, Картофелька? После стольких лет?

Нет, нет, нет. Это не может быть Мейкон Сэнт. Сэм не общалась с ним с тех пор, как он бросил ее в ночь выпускного. Это вопрос гордости. И не важно, что он значит, у него наверняка есть люди, которые пишут сообщения вместо

него, ради всего святого.

Это, должно быть, страшный сон. Ночной кошмар.

Ошеломленная, я смотрю на экран телефона, который загорается.

Картофелька?

Шарик?

Делайла? Ты тут?

Возьми трубку, Делайла.

Стоп. Что?

Я чуть не выпрыгнула из кожи, когда телефон зазвонил.

О. Мой. Бог. Нет. Только не это. Это не может быть Мейкон.

Звонок перешел в голосовую почту, но телефон снова зазвонил.

Он не остановится. В таких ситуациях Мейкон впивается как клещ. Он будет продолжать так делать, пока я не сойду с ума. Мне нужно пресечь это на раннем этапе. Сделав глубокий вдох, отвечаю:

– Чего тебе?

– Все та же милая Делайла. – Голос стал грубее и будто окутал меня пеплом и дымом.

Я проигнорировала его сарказм.

– Откуда у тебя мой номер и зачем ты беспокоишь меня?

На том конце провода раздался смех.

– Что, а как же, «Прошло так много времени. Как ты?». Хотя бы признайся, что ты сильно скучала по мне.

Ох, как же мне знакомо это раздражающее самодовольство. Тот факт, что после стольких лет я и вправду разговариваю с Мейконом, взволновал меня так сильно, что у меня начали дрожать ноги, отчего пришлось прислониться к стойке.

Удивительно, что мой голос остался прежним.

– Отвечай на вопрос, или я повешу трубку.

– Тогда я просто позвоню тебе снова.

– Мейкон...

Он издает звук, похожий на смех, но только теплее.

– Никто не называет меня Мейконом так, как ты. Словно это какое-то проклятие или на языке остался неприятный привкус. Только ты так можешь.

Когда мы были детьми, его мама называла его Ангелочек, что по мне, так было странно. Его папа называл его «парнишка». Все остальные – просто Сэйнт. Менее достойное прозвище вспомнить не могу. Но неудивительно, что люди по-прежнему зовут его Сэйнт; он потратил много времени, создавая такой имидж.

– Зачем ты беспокоишь меня, Мейкон?

Он вздыхает.

– Во-первых, я позвонил на номер Саманты. – Он без труда называет ее номер, а я хмурюсь – хорошо, что он этого не видит. Он продолжает в более официальном тоне. – Во-

вторых, я писал сообщения Саманте, не тебе. Почему ты вообще подумала, что я притворяюсь Сэм, в этом нет никакого смысла.

– Сегодня первое апреля – День дурака, – бормочу я. – Я и подумала, что со стороны Сэм это была неудачная шутка.

Мейкон засмеялся, но не от шутки.

– Жаль.

Да, мне тоже.

Если я поверю в то, что он писал Сэм – а зачем ему вообще писать мне? – то должна верить и во все остальное. К несчастью, я помню, как Сэм пересылала мне сообщения, когда бросила жутко прилипчивого парня по имени Дэйв. Мне пришлось неделю терпеть чередующиеся гнев и слезы Дэйва, пока он наконец не перестал звонить.

А это значило, что Мейкон не лжет.

К черту все.

– Ладно, – говорю я, пытаюсь отчаянно сохранить спокойствие. – Проясним, я не Сэм. И это также не ее номер. Подозреваю, что она переадресовала мне свои сообщения, о которых мы потом поговорим. Однако...

– Ты снова говоришь как твоя бабушка, Картофелька.

– Не называй меня так.

В ушах послышался тихий хохот.

– То есть говорить как твоя бабушка тебя устраивает?

Я вскакиваю на ноги, нахмурившись. Я *говорила* как бабушка Мейв, черт. Я склонна быть многословной и гово-

ритель слишком формально, когда нервничаю. И меня злит тот факт, что *он* знает это.

– Ты уходишь от темы. Факт остается фактом, я не Сэм.

– Ты знаешь, где она? – теперь его голос стал жестче, гнев вернулся.

– Даже если бы и знала, то не сказала бы тебе.

Я почти слышу, как Мейкон стискивает зубы. Что только радует меня.

– Тогда, полагаю, мне следует позвонить в полицию, – говорит он.

Внезапно я вспоминаю его первое сообщение. Он требовал, чтобы Сэм вернула часы. Схватив телефон, я расхаживаю по всей кухне.

– Что она сделала?

Я могла бы сформулировать вопрос по-другому, но, имея опыт в разборках с проделками Сэм за все эти годы, я не собираюсь тратить время на оправдания, пока не услышу версию Мейкона. После этого поговорю с Самантой.

– Она взяла часы моей мамы.

Я делаю резкий вдох. Черт возьми.

Хоть я и мало что знала о миссис Сэйнт как о человеке, но о ее часах знали все. Из-за них ей завидовал весь город. Это были не столько часы, сколько украшение из розового золота, усыпанное сверкающими бриллиантами. Они были прекрасны, но я, в отличие от миссис Сэйнт, не носила бы такую вещь каждый день.

Я прекрасно помню их на ее тонком запястье, элегантное украшение сверкало на свету. Внутри меня завязался узел страха. Сэм была влюблена в эти часы. Ох, как же она их любила. Но самое ужасное в этом всем то, что мама Мейкона скончалась несколько лет назад, а это значило, что они были как фамильной драгоценностью, так и ценным воспоминанием.

Обессиленная, я прижимаю холодную ладонь к горячей щеке.

– Она... ох... когда она их украла?

Мейкон издает звук раздражения.

– Она правда тебе ничего не рассказала?

Горькая правда.

– Зачем ей говорить мне о часах, которые она, возможно, украла, а возможно, и нет?

– Я думал, Сэм арендовала у тебя квартиру.

Я моргаю от удивления.

Три года назад мне предоставили возможность стать партнером в сфере ресторанного бизнеса высшего эшелона. В итоге Анджела, мой партнер, продала мне вторую половину, и бизнес стал настолько успешным, что я наконец-то смогла купить небольшое бунгало в Лос-Фелице. Несколько месяцев спустя Сэм переехала в мансарду над гаражом, поскольку у нее было туго с деньгами.

Правда в том, что я так и не знаю, откуда она берет деньги, так как она ни разу не упоминала о какой-либо работе. Это

пан или пропал, если я получу небольшую арендную плату, которую она настаивала оплачивать. А поскольку мне не нужны ее деньги, то я научилась не полагаться на них.

Однако я думала, что мы достаточно близки, чтобы Сэм рассказала мне, что виделась с Мейконом. У меня даже и мысли не было, что они поддерживают связь.

– Это не важно, я знаю все, что происходит в ее жизни, – наконец-то отвечаю я.

Мейкон издает слишком жалостливый звук, а затем отвечает чересчур нетерпеливым тоном.

– Последний месяц Сэм была моей помощницей. Впрочем, вскоре стало ясно, что она сильно переоценила свои навыки.

Даже не знаю, что чувствовать. Я рада, что они не встречаются. Если Мейкон и Сэм снова сойдутся, то он неизбежно вернется в мою жизнь. Но он присутствует в *ее* жизни, ведь так? Они работают вместе уже *месяц*. А Сэм ни слова мне об этом не сказала. Виски пронзила тупая боль.

– Я отсутствовал неделю, – продолжает он. – Вчера вернулся домой и обнаружил, что Сэм исчезла, а вместе с ней и пара вещей, включая часы.

– Что она делала в твоём доме? – я вздрагиваю от вопроса. Я не хочу знать. Не хочу.

Хотя кого я обманываю.

– Быть моим помощником – значит работать двадцать четыре на семь, – произносит Мейкон так, будто это что-то оче-

видное. – У меня есть гостевой домик. Сэм остановилась в нем.

Я не упускаю в его тоне намек на то, что он считает странным, что я не заметила, что Сэм жила в другом городе несколько недель. Но я заметила, однако привыкла к тому, что она то приходит, то уходит. Мой дом для нее скорее лагерь, чем что-то большее.

– Может, в твой дом вломились, – слабо предполагаю я.

– Чушь собачья. Эта чертовка попросила показать ей часы, дабы вспомнить «былые времена», а я оказался настолько глуп, что показал ей их.

Закрыв глаза, провожу рукой по лицу.

– Ну... – Черт.

Мне нечего ответить.

Его голос становится усталым и смиренным.

– Просто скажи мне, где она, и я оставлю тебя наедине с выпечкой.

– Я не знаю, где она. Но я найду ее. Поговорю с ней.

– Не подойдет. Я мог бы смириться с другими вещами, но эти часы многое значат для меня. На этот раз она зашла слишком далеко. Я звоню в полицию.

– Пожалуйста, не надо. – Слова вырываются из меня, обжигая язык. Меня бесит, что я сказала это. Но уже не могу забрать их обратно. – Я верну твои часы.

Я не дам Сэм сесть в тюрьму. Как бы то ни было, она моя сестра. И это просто убьет маму. Образно, конечно, одна-

ко я ужасно боюсь, что это выражение может стать буквальным. В прошлом году мы потеряли отца, и здоровье мамы по меньшей мере пошатнулось. Однажды я обернулась, чтобы посмотреть на нее, и была ошеломлена тем, насколько она постарела, словно папа забрал с собой искру ее жизни. Мы с Сэм единственные, кто у нее остался. К несчастью, мама всегда чрезмерно опекала Сэм.

– У тебя есть двадцать четыре часа, а затем я звоню в полицию, – произносит Мейкон грубым, явно нетерпеливым голосом.

– Двадцать четыре? Ты издеваешься?

– А похоже, что я веселюсь? – парирует он.

– Ну, я должна была спросить, что за нелепые временные рамки ты предлагаешь.

Хоть я и не слышу, как он стискивает зубы, но представляю это.

– Это не предложение, – выдавливает он. – Это крайний срок.

– Это Лос-Анджелес, Мейкон. Уйдет как минимум двадцать минут, чтобы проехать десять километров в любом направлении. В удачный день, – прошипела я. – Не говоря уже о том, что если Сэм прячется, то ее может и не быть в городе. Она могла сбежать в Вегас, отправиться в Сан-Франциско или даже в Кабо.

Это любимые места Сэм для побега. Хотя я не понимаю, как она можете себе это позволить. Черт, а может, она все

это время была профессиональной воровкой.

– Суть в том, – говорю я жестко, – что если ты и вправду хочешь найти ее, то должен дать мне больше времени, нежели чем двадцать четыре часа. Я не женская версия Джека Бауэра⁴, черт возьми.

В трубке раздается сдавленный звук, похожий на затянувшийся смех.

– Стоило бы приложить немалых усилий, чтобы представить, как ты снуешь по городу с часами обратного отсчета, висящими над головой.

Красная дымка затемняет зрение. Клянусь, стой Мейкон сейчас передо мной, в его лицо полетела бы миска с мукой.

– А ты все тот же придурок, как погляжу.

– А ты все так же пытаешься задеть меня, как погляжу.

– Ты всегда быстро соображал, Мейкон. – Черт, мне следует перестать подкалывать его. – Дай мне неделю.

– Два дня.

Я фыркаю.

– Пять.

– Три, – возражает он. – Это максимум, что я могу тебе дать, Картофелька.

От этого прозвища у меня сводит зубы. Учитывая задачу, это не так уж много времени. Но, черт побери, я не виню его

⁴ Джек Бауэр – главный герой американского сериала «24 часа» телеканала Fox. История в каждом сезоне, начиная с первой серии и заканчивая последней, разворачивается в течение двадцати часов, за это время главный герой – агент вымышленной спецслужбы – должен раскрыть преступление.

за злость и желание покончить с этим.

– Твоя взяла.

– Три дня, – повторяет Мейкон. Я уже почти расслабилась, когда он продолжил: – Я жду вас с Сэм у меня дома с часами в руках.

– Что? – практически шиплю я. – Почему я? Мне незачем приходиться. Я не...

– Ты придешь. Я не верю, что Сэм появится здесь без тебя.

– Она придет. – Если мне придется пригрозить смертью и расчленением. – Мне не хочется быть частью вашего воссоединения. – Я ни за что не встречусь лицом к лицу с Мейконом. Я не могу.

– Тогда не стоило совать свой нос в это.

Козел.

Тон Мейкона звучит жестко и холодно.

– Таковы условия. Либо соглашайся, либо не ввязывайся.

Мне следует поверить в серьезность его слов. Мейкон, которого я знала, никогда не говорил того, чего не имел в виду. Я бы восхитилась этим качеством, не веди он себя как придурок по отношению ко мне каждый раз, когда мы оказывались в окружении друг друга. От мысли о встрече с Мейконом, с его холодным, самодовольным взглядом все внутри меня болезненно скручивается.

Хоть раз в жизни мне хотелось поставить этого мужчину на колени и увидеть, как он в отчаянии вздыхает по мне, как многие женщины по нему. Мало шансов, что он будет выгля-

деть так же, как я сейчас: покрытый мукой, липкий от пота, а волосы отчаянно нуждаются в стрижке.

– Делайла? Мы договорились?

Я ненавижу, как он произносит мое имя: отрывисто и властно, будто он мой начальник. Сжимаю телефон до боли в руке. Я представляю, как бросаю эту штуку в его тупую голову. Господи, дай мне сил не сделать это.

– Увидимся через три дня.

Похоже, Мейкон слишком доволен.

– Я пришлю тебе адрес. С нетерпением жду встречи, Картофелька.

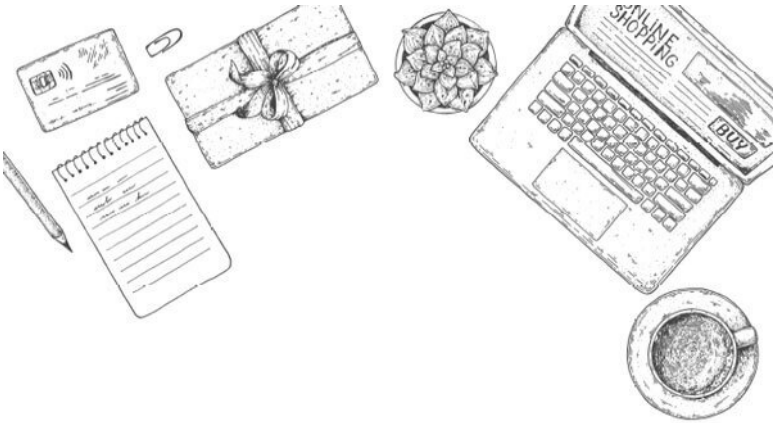
А я с нетерпением жду возможности задушить свою сестру.

Но для начала я должна найти ее.

Глава вторая

Мейкон

У меня дрожит рука, когда я кладу трубку. Последние две недели я испытывал постоянную боль, так что мог бы списать это на нее, но это было бы ложью. Делайла Энн Бейкер – источник моей нынешней слабости.

– Черт, – бормочу я себе под нос.

– Выглядишь так, будто увидел привидение, – говорит Норт с порога моего кабинета.

– Мне кажется, я только что вызвал его. – Поворачиваюсь лицом к окну и морю за ним, но не вижу его. Я вижу Делайлу. Большие глаза цвета имбирного пряника, обрамленные густыми темными ресницами, круглое лицо с прямым носом и пухлые розовые губы. Эти губы всегда шевелились, извергая поток колкостей, направленных в мою сторону.

Никто на земле не раздражал меня так сильно, как Делайла Бейкер.

Никто не заставлял меня включать защитную реакцию так быстро, как Делайла Бейкер.

Боже, ее манера речи не изменилась. Точнее, не совсем. Она говорила со мной с тем же отвращением, что и всегда, но ее голос стал немного другим. Теперь он наполнен нотками мягкой, сладкой хрипотцы, словно у нее только что был горячий, потный...

О чем я, черт возьми, думаю?

Провожу рукой по лицу и фыркаю.

Норт проходит в комнату.

– Я так понимаю, этот призрак не Саманта?

От того, как его голос обволакивает имя Сэм, у меня волосы встают дымом. В какой-то момент она запустила свои когти в Норта, а теперь он разбирается с последствиями. Это меня бесит. Где бы ни появилась Сэм, после нее остаются одни неприятности. Я давно усвоил этот урок, но, как дурак, проигнорировал его, когда она пришла просить работу.

«Все взростеют», – рассуждал я. Включая Сэм. Только она

не повзрослела. Не прошло и дня на работе, как она попыталась залезть ко мне в постель. Чертовски неловко, учитывая, что я едва могу находиться с ней в одной комнате. Я знал, что мне следовало уволить ее. Но не было времени. Когда у меня наконец появилась возможность, она ушла сама.

Я думаю о часах матери, и чистая, обжигающая ярость опалает все внутри. Часы броские и не в моем вкусе, однако когда я вижу их и держу в руках, то чувствую ее рядом.

Моя мать не особо присутствовала в моей жизни. У нее были свои проблемы. И все же хорошие воспоминания существуют – как она в детстве держала меня на руках, гладила по волосам, читала мне. Каждое воспоминание, оставшееся о ней, связано с часами на ее тонком запястье. Теперь они исчезли, и я снова чувствую потерю, отчего глубокая, насыщенная боль распространяется в груди.

Чертова Саманта. Она дурила меня разными способами, но хуже всего то, что я снова позволил ей это. Сэм последняя в списке людей, которым я позволил бы втереться мне в доверие только для того, чтобы меня потом предали.

– Нет, – выдавливаю я, помня, что Норт ждет ответа. – Я не могу ее найти.

Он вздрагивает, сжимая челюсть.

– Это моя вина.

– Твоя? Почему?

Скрестив руки на груди, он смотрит на меня с чувством стыда.

– Я твой телохранитель. Это случилось во время моего дежурства, это моя вина.

Усталый и слишком нервный, я складываю руки на животе. Почти каждый сантиметр моего тела в той или иной степени болит, так что это единственная удобная поза на данный момент.

– Но только в случае, если бы я не разрешил тебе выполнять твою работу как следует. Кроме того, именно я оказался настолько глуп, что доверил Сэм остаться здесь одной.

Момент чистой ностальгии ослабил мою бдительность. Я увидел Сэм и вспомнил... все.

Норт напрягается, будто собирается возразить, однако не произносит ни слова. Вместо этого смотрит в окно, как и я.

– Значит, если ты не нашел Саманту, то кто этот призрак? Я кривлю губы, но не в улыбке. Я слишком... запутался в этом.

– Делайла.

Такое ощущение, словно одно ее имя, произнесенное вслух, обладает силой, способной призвать ее во плоти. Я мысленно даю себе пощечину. Обезболивающее, которые я принимаю, явно портит мне настроение. Несмотря на это, я не могу избавиться от ощущения, что дух Делайлы стоит прямо рядом со мной и смотрит через мое плечо неодобрительным, хмурым взглядом.

На одну удушающую секунду я вижу ее ясно, как день, в том виде, в каком она была в ночь нашего выпускного: в зе-

леном атласном платье, облегающем ее изгибы, которые мне не следовало замечать. Ее золотисто-карие глаза пылают огнем ненависти на фоне потемневшей от гнева кожи.

Даже в семнадцать лет я отметил, что она выглядела прекрасно в гневе. Я оцепенел, не в силах вымолвить ни слова, поскольку она разорвала меня в пух и прах.

Последние слова, которые Делайла сказала мне: «Ты ничего не стоишь, я тебя ненавижу». Она определенно ненавидела меня всеми фибрами своей души.

Я облизываю свои сухие губы.

– Она сестра Сэм.

Норт вскидывает брови.

– У Саманты есть сестра? – в его голосе слышится смутный ужас.

– Не переживай. Они совсем не похожи. – Я расправляю напряженные плечи, отчего боль даже кажется приятной. – Делайла... – Черт, даже сейчас мое подростковое «я» сталкивается с моим нынешним, и они оба изо всех сил пытаются найти способ описать эту девушку. – Прямолинейная.

Норт смотрит на меня как на сумасшедшего. Коим я себя и чувствую.

Пожав плечами, пробую еще раз.

– Делайла всегда говорит то, что думает. Она говорит это прямо в лоб. – Не важно, насколько больно это ранит. – Ей все равно, произвела ли она хорошее впечатление или нет.

– Говоришь так, будто хорошо ее знаешь.

Знаю ли я Делайлу? Да, знаю, хотя ей это бы не понравилось. И она знает меня. От этого в груди странное чувство – отчасти волнение, отчасти отвращение, – словно меня против собственной воли раздевают догола, и я не понимаю, нравится мне это или нет.

– Мы выросли вместе. Сэм, Делайла и я.

Три долбанных мушкетера. Потому что, несмотря на то что мы с Сэм вели себя как говнюки и пытались избавиться от Делайлы, она всегда оставалась частью уравнения. Всегда.

– Делайла знает, где Сэм?

– Она говорит, что не знает. – Черт, у меня затекла шея. Я поднимаю руку, чтобы размять ее, отчего мои ребра начинают протестующе кричать.

Норт прищуривается. Он знает, что мне больно, но не указывает на это.

– Ты только что сказал, что Делайла прямолинейная. Значит, ты ей веришь?

– Да. К сожалению. – Я вновь смотрю на море. Все перевернулось с ног на голову. – И уж если Делайла не сможет найти Сэм, тогда никто не сможет. – Что означает, что часы моей матери пропали навсегда. Не удивлюсь, если Сэм уже заложила их.

Ярость становится столь сильной, что душит. Сэм отняла у меня слишком многое – воспоминания и гребаную безопасность, – и я ее никогда не прощу. Мне следует позвонить в полицию. Мне следует найти часы, а не думать об одной

нахальной особе с медово-ядовитым голосом.

Делайла.

Ее имя вертится у меня в голове без предупреждения, усиленно пытаюсь проникнуть под корку, чтобы обосноваться там. Она придет сюда – с Сэм или без нее. Ставлю на то, что она появится одна. Вне зависимости от того, хочет ли Делайла признавать это или нет, но она так же хорошо, как и я, знает, что когда Сэм сбегает, то ничто не способно вернуть ее обратно, пока та сама не будет готова.

Так или иначе, я буду иметь дело с Делайлой. Моим давним врагом. Единственным человеком, которого я не мог игнорировать. Каким-то образом ей всегда удавалось проскользнуть сквозь защиту, которую я выстраивал.

И теперь она будет на моей собственной территории. Это звучит чертовски по-детски, но я ловлю себя на мысли, что заикливаюсь на этом – на ней. Как она выглядит теперь? Ненавидит ли она меня так же сильно, как и раньше?

Сам того не желая, я вытаскиваю из кармана бумажник и достаю потрепанную визитку, которую засунул в него.

Dear Delilah Catering Co напечатано жирным шрифтом ярко-оранжевого цвета на темно-розовом фоне. Слишком броские цвета для вдумчивой девушки, которую я знал. А вот старомодная визитная карточка – в этом вся Делайла, которая, как правило, говорила формально и нудно, когда нервничала.

Я чувствую, как мои губы растягиваются в улыбке, и это

выводит меня из себя. Мне не следует впадать в ностальгию. Меня ограбила и провела одна сестра. И теперь другая сестра, та, которая сказала мне, что у меня никчемная, омерзительная душа, придет ко мне. Несомненно, она будет защищать Сэм, охотно готовая снова взять на себя вину за проступок младшей сестры-воровки.

Это меня бесит. Но нельзя отрицать, что все во мне замерло в ожидании. Я отправляю Делайле свой адрес и говорю, чтобы она была у меня к пяти в день крайнего срока. Невозможно не добавить «иначе», зная, что это ее разозлит. Когда Делайла отвечает смайликом с закатывающимися глазами и говорит мне отвалить, чтобы она могла печь, я широко улыбаюсь.

Как ни крути, мне все еще приносит удовольствие подначивать ее, и я не могу дождаться, когда мне дадут отпор.

Глава третья

Делайла

От ДиПрелесть СэммиБейкер:

Поскольку ты не проверяешь сообщения, я достаю тебя через социальные сети. Не заставляй меня размещать о тебе пост в интернете. Мне известно, что произошло с Мейконом. Будь у тебя хоть капля гордости, ты бы притащила свою задницу домой.

От ДиПрелесть СэммиБейкер:

Рано или поздно тебе придется вернуться. А у меня есть

ножи, Сэм. Чертовски острые ножи.

От ДиПрелесть СэммиБейкер:

Я упоминала, что могу разделать с их помощью курицу менее чем за минуту?

От ДиПрелесть СэммиБейкер:

ЦЕЛУЮ КУРИЦУ!

Честно говоря, я думала, что знаю, на что похоже отчаяние. Но совершенно ясно, что я была крайне опрометчивой в этом вопросе. Внезапно появившееся отчаяние вызывает унижительное чувство досады, отчего начинают дрожать руки. Я устала – *устала* – от этого. Мне хочется поступить так же, как Сэм, – исчезнуть. Господи, в данный момент эта идея звучит как ответ на все мои молитвы.

Когда я давала обещание найти Сэм, мне не пришло в голову, что раз она переадресовывала свои звонки на мой телефон, то и я тоже не смогу ей позвонить. Я виню в этом упущении мысли о вынужденной встрече с Мейконом Сэйнтом впервые за десять лет. Поэтому мне приходится искать сестру, объезжая все часто посещаемые ею места и обзванивая ее друзей.

Я искала всю ночь. Сэм словно пропала без вести, исчезла, будто ее никогда и не существовало. Ее способность выпадать из жизни – самый настоящий талант. Хотелось бы

мне сказать, что это что-то новое и неожиданное. Но это не так. Моя сестра живет в мире, в котором она – солнце, а все остальные вращаются вокруг нее. Зачастую Сэм оставляет меня либо разгребать ее косяки, либо брать вину на себя.

Я прикрывала ее столько, сколько себя помню. Даже когда мы были детьми, наши родители приняли тот факт, что я буду главной и постараюсь удержать сестру от глупостей. От этой привычки не так легко избавиться.

Сейчас я расхаживаю по своей солнечной кухне, пальцы холодные и липкие, а желудок скручивает так, что даже пышные лимонные булочки, которые я приготовила час назад в жалкой попытке облегчить волнение, не соблазняют меня. А я знаю, что они вкусные.

Но вместо того, чтобы съесть их, я сжимаю телефон, изо всех сил стараясь не набрать один номер. В итоге все равно делаю это. Я всегда хотела сделать родителей – особенно маму – счастливыми, заставить их гордиться тем, что я их дочь. Это основывалось не столько на логике, сколько на самовнушении. Ненавижу разочаровывать маму.

На спине выступает холодный пот, когда в трубке слышатся гудки. *Не бери трубку. Не бери трубку. Не бери...*

– Привет, дорогая. – Голос мамы звучит слишком радостно в такую рань. – Я только что думала о тебе.

– Утешать у тебя особо не получается, мам.

– Разве то, что я думаю о тебе, не утешает?

– Нет. Потому что я сразу думаю о чем-то плохом.

– Ты ужасная пессимистка, дорогая. Поверь мне, я всегда думаю только о хорошем.

Фыркнув, я продолжаю расхаживать по кухне.

– Я прагматик, а не пессимист.

– Правда? – протягивает мама. – С чего ты вообще это взяла? По своему экспертному мнению?

Она единственный человек, которому удавалось дразнить меня, при этом не заставляя чувствовать себя плохо. Я улыбаюсь, несмотря на волнение.

– Потому что почти все мои мрачные предсказания сбываются. Я просто думаю наперед. – После этого вся радость угасает.

Прочищая горло, прислоняюсь к стойке и перехожу к сути:

– Mam, Сэм связывалась с тобой сегодня?

– Нет, дорогая. От Саманты ничего не слышно уже больше недели. – Раздается легкий смех. – Что для нее вполне нормально. А что такое?

Ну, я хочу задушить ее голыми руками, но она нужна мне здесь.

– Ничего важного. Просто... сестринские дела. – Я снова прочищаю горло. – Mam, мне очень жаль, но придется отменить сегодняшней бранч. Я... э-э... у одной из моих коллег произошла неприятная ситуация, и больше некому ей помочь.

Это худшее из оправданий, и даже просто произнеся эти

слова, я съеживаюсь.

– Все в порядке, дорогая, – спешит заверить мама. – Мы можем организовать все в выходные. Так всем будет удобнее. Не смей больше беспокоиться об этом. ДжоДжо в городе на мой день рождения. Она может составить мне компанию.

ДжоДжо – лучшая подруга мамы и соучастница преступлений. Мне становится почти страшно, когда эти двое куда-то вместе ходят. Обычно это влечет за собой неприятности.

– Мы поедем в Санта-Барбару, – продолжает мама. – Она попросила поехать с ней.

Именно за это я ее и люблю. Надо полагать, большинство людей любят своих мам в глубине души. Но не все любят тех людей, которыми являются их родители. Мне нравится моя мама. Мне нравится сидеть у нее на кухне и разговаривать с ней, позволяя ее успокаивающему голосу скользить по мне, обволакивая теплом любимого детского одеяла.

Я до скрипа сжимаю корпус телефона.

– Спасибо тебе, мам. Я организую все наилучшим образом, обещаю. Но если Сэм объявится сегодня, то прошу тебя, дай мне знать. И... ну, пожалуйста, не дай ей уйти, пока я не приеду.

Наступает долгая пауза, прежде чем мама отвечает:

– Ты отменяешь все из-за нее, верно?

Видимо, я немного перегнула палку, попросив удержать Сэм.

Тем не менее я включаю дурочку.

– Что? Нет... конечно же нет. Не говори глупости.

– Делайла... не ври мне.

– Я клянусь, мам. – Я рефлекторно скрещиваю пальцы за спиной, до сих пор не могу избавиться от этой привычки. – Мне правда надо помочь другу. – Слово *друг* явно не относится к Мейкону, но меня никто и не просил говорить правду. – Но так уж вышло, что я правда не могу найти Сэм, чтобы сказать ей про бранч, и она... ну, она переадресовывала свои звонки на меня, поэтому я не могу ее отыскать.

Мама раздраженно фыркает.

– Эта девчонка сведет меня в могилу.

Не эти слова хотелось бы услышать.

– Ты правда так сильно переживаешь, когда Сэм попадает в неприятности? – Потому что я должна знать, как много могу ей рассказать. Хотя бы ради моего собственного душевного спокойствия.

Мама вздыхает.

– Конечно. Она же моя малышка. Как и ты.

– Верно. Но, мам, может наступить время, когда она не сможет выбраться из передраги.

Например, как когда Мейкон Сэинт грозит засунуть эту засранку за решетку. Если бы я не ненавидела Мейкона так сильно, то, возможно, нашла бы в себе силы поаплодировать ему за это.

– Может, это и к лучшему, – осторожно продолжаю я, –

если ты смиришься с этой неизбежностью.

Я закрываю глаза от всплеска гнева и раздражения, которые испытываю к своей сестре.

– Я – мама, Делайла, – говорит она усталым голосом. – Я никогда не откажусь от своих детей. Когда кому-то из вас больно, это словно ножом по сердцу. Вы две мои девочки – единственное, что у меня осталось. Когда ваш папа... когда я потеряла его... – она делает слабый вдох, ее голос начинает дрожать.

– Я знаю, – прерываю я.

Мы замолкаем. Затем мама говорит тихим голосом:

– Я скучаю по нему. Когда ты кому-то отдаешь свое сердце, то он становится частью тебя. А когда они уходят, то ты чувствуешь дыру, которую они оставили после себя...

– Мам... – Мне больно от ее слов.

– Со мной все в порядке, – тихо говорит она. – Я только пытаюсь объяснить, что состою из частей. Твой папа занимал большую часть меня. Но еще есть ты и Сэм. И я никогда в жизни не смогла бы отказаться от одной из вас, это было бы сродни тому, что отказаться от самой себя, потерять еще одну часть себя. Ты понимаешь?

Меня покидают последние силы, и я опускаюсь на пол, прислоняясь к шкафчикам. Все мои внутренности болезненно скручивает, и я прижимаю руку к животу.

– Да, мам, я прекрасно тебя понимаю.

На руках появляется липкий пот, пока я направляюсь по шоссе Тихоокеанского побережья в сторону Малибу. В обычные дни я люблю эту дорогу с бесконечным сияющим океаном по одну сторону и покатыми дикими горами по другую. Сейчас же это путь, ведущий меня к мучениям.

Я искала сестру все три дня. Обзвонила лучшие курорты в пределах разумной транспортной досягаемости – Сэм ненавидит летать, но она также любит комфорт. Даже пыталась искать ее под вымышленным именем. Меня как током ударило от осознания, что в течение многих лет я знала, что моя сестра использует псевдоним, но никогда не задумывалась об этом. Коротко о моем сознательном невежестве.

Кипя от возмущения из-за этой неприятной правды, я зашла настолько далеко, что взломала старый ноутбук сестры, который та оставила в гостевом домике, в надежде, что там будет хоть какой-то ключ к разгадке происходящего в ее жизни. Но я узнала лишь то, что Сэм любит порно с лесорубами и собрала впечатляющую коллекцию гифок с бородатами мужчинами.

К часу дня я признала собственное поражение и – да поможет мне в этом Бог – позвонила своему парикмахеру, чтобы записаться на срочную стрижку и окрашивание. Ладно, может, я напрасно потратила на это время, но раз мне при-

ходится заявиться в дом Мейкона одной, чтобы каким-то образом убедить его не заявлять в полицию, то я должна выглядеть как можно лучше.

И вот я приехала с красивой прической: карамельные и золотистые пряди обрамляют лицо, отчего мои орехово-каштановые волосы выглядят обласканными солнцем. В салоне я выложились по полной, придала форму бровям и сделала маникюр-педикюр.

Да, я виновна в желании прихорошиться, но это не самолюбие, а боевая раскраска. Никто не идет в бой без доспехов. С это целью я и надела свой любимый кремовый трикотажный топ с короткими рукавами, который облегает все нужные места, но обтекает менее привлекательные, и чернильно-синюю юбку. Она выгодно подчеркивает бедра и слегка расширяется на уровне колен.

Может, это перебор, но, по крайней мере, я выгляжу безукоризненно, ничего лишнего. Невозмутимо. Сдержанно.

– Кого, черт возьми, я обманываю? – кричу я. – Этот образ вряд ли изменит ситуацию. Я так облажалась.

Капельки пота стекают вдоль позвоночника, как только я выезжаю на более узкую дорогу, направляясь ближе к берегу. Ни разу за все годы жизни в Лос-Анджелесе я не посещала эту часть Малибу. Узкая прибрежная дорога совершенно незнакома, но навигатор сообщает, что адрес, который выслал Мейкон, находится в двухстах метрах слева от меня. Конечно, Мейкон живет прямо на пляже.

Много работы и щепоточка удачи однажды помогут мне стать знаменитым шеф-поваром, и я смогу позволить себе жить здесь. Но в данный момент я даже не могу арендовать гостевой домик в этом районе.

Я сжимаю губы, когда наконец сворачиваю на подъездную дорожку, перекрытую большими деревянными воротами. Особенность побережья Малибу заключается в том, что наличие красивого фасада дома немного важнее, чем огромный гараж или большие ворота. Ведь истинная красота домов предназначена только для владельцев. И хотя большая часть Малибу представляет собой сужающуюся полосу домов, зажатых между горами и океаном, собственность Мейкона располагается на равнине одинокого утеса, который выступает над океаном и изгибается в сторону Лос-Анджелеса.

Прерывисто вздохнув, я подъезжаю к домофону, отмечая камеры, расставленные повсюду, и нажимаю кнопку вызова.

К черту, к черту, к черту все это.

– Да? – отвечает мужчина. Голос не похож на Мейкона.

Тем не менее я вхожу в ступор, приоткрыв губы, отчего во рту становится сухо, и не могу вымолвить ни слова.

Ответ ему, тупица.

Нет, разворачивай машину и уезжай, пока еще есть возможность.

– Ау? – спрашивает он снова. Клянусь, я улавливаю намек на юмор в вопросе, будто человек на другом конце провода сдерживает смех.

Движимая чистым раздражением, я обретаю дар речи.

– Меня зовут Делайла Бейкер, я приехала увидаться с Мейконом Сэйнтон.

У меня так вспотели руки, что одна соскальзывает с руля. Я незаметно вытираю ее об юбку и смотрю в маленький темный глазок камеры. Кажется, будто прошла целая вечность, хотя на самом-то деле всего несколько секунд, прежде чем ворота открылись.

Длинная подъездная дорожка, обсаженная кружевными старыми оливковыми деревьями, манит меня внутрь. Я медленно веду машину, сердце ритмично колотится о ребра. В поле зрения появляется небольшой одноэтажный белый дом. Я начинаю тормозить, но потом быстро понимаю, что это гостевой домик. Вдалеке вырисовывается гораздо больший белый дом с видом на океан.

– Святые угодники, что за подстава. – Из меня вырывается смешок, хотя в данный момент я не вижу ничего смешного. Но я ничего не могу с собой поделать. Если бы мне сказали показать идеальный дом моей мечты, то я показала бы этот.

В Южной Калифорнии существуют четыре основных стиля домов, которые предпочитают богатеи. Классический испанский стиль двадцатых годов, богато украшенный французский или английский особняк, ультрасовременный и американский стиль начала XX века. Дом Мейкона – это смесь американского и ультрасовременного стиля, и они не должны сочетаться. Однако сочетаются.

Я сворачиваю перед вычурными входными дверьми из потрепанного дерева, и мой завтрак снова грозит дать о себе знать.

– Ты сможешь это сделать, – шепчу я себе, прижимая руку к бурлящему животу.

Снаружи воздух благоухает ароматами дикой ромашки, сладких лимонов и соленым морским бризом. Убаюкивающее затишье океана словно насмехается над моим бешено колотящимся сердцем. Я делаю глубокий, спокойный вдох и медленно выдыхаю.

Проводя рукой по волосам, собираюсь с силами перед встречей со своим врагом детства. Боже, помоги мне.

Но дверь открывает не Мейкон Сэнт.

Чему не стоит удивляться. И все же я не могу оторвать взгляда от мужчины, который стоит передо мной.

Откровенно говоря, он похож на Джеймса Бонда. Вызывающе красивый, с темно-русыми волосами, пухлыми губами и телом воина, он выглядит довольно пугающе. Его небесно-голубые глаза изучают меня, но в них чувствуется любопытство, а не враждебность.

– Я Норт, – говорит он вместо приветствия.

Я натягиваю свою визитную улыбку и протягиваю руку.

– Делайла.

Он быстро пожимает мою руку.

– Я знаю.

Еще бы, ведь это он ответил в домофон у ворот. И вдоба-

вок меня ждут. Никто из нас не отмечает, что Сэм не пришла. Вероятно, он этого и ожидал.

В тысячный раз за сегодняшнее утро я проглатываю чувство гнева по отношению к Сэм. Сейчас оно мне не поможет.

– Проходи. – Норт склоняет голову в знак приглашения.

Я не хочу. Я хочу убежать. В уголках его глаз появляются морщинки, словно он понимает меня и сопереживает. Норт ведет меня в залитый солнцем холл, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не разинуть рот.

Внутри интерьер дома Мейкона выглядит даже лучше, чем снаружи. Тут просторно, светло и уютно. И здесь каким-то образом складывается ощущение величественности, а не пустоты.

– Ты без проблем нашла это место? – спрашивает Норт, когда мы проходим мимо большой комнаты.

– Навигатор настоящая палочка-выручалочка.

– Это правда.

Я мельком вижу жилую зону, отделанную широкими дощатыми половицами, кессонными потолками, стенами с кремово-белыми панелями, а за ней синий-синий океан. Это место просто идеальное. Настоящая мечта.

И кошмар.

Меня бесит, что Мейкон Сэйт, известный как дьявол во плоти, живет здесь. И что каждый день он смотрит в эти панорамные окна. И также бесит то, что я завидую.

В доме очень тихо и слегка пахнет деревом и цитрусовы-

ми. А через открытые окна в каждый уголок помещения проникает океанский бриз, он треплет кончики моих волос. Мы проходим мимо столовой и винной комнаты со стеклянными стенами, заполненной бутылками.

Я представляю пьяного Мейкона, который растянулся на полу и размышляет, какое вино попробовать следующим, и подавляю желание хихикнуть.

– Ты друг Мейкона? – спрашиваю я, отчасти для того, чтобы развеять нависшую тишину, и отчасти потому, что мне искренне любопытно.

– Друг? – Норт будто обдумывает вопрос, а затем смотрит прямо на меня. – Да. Но я также его временный телохранитель и личный тренер. – На лице мужчины мелькает коварство. – Так что ему нельзя пользоваться моей дружбой, когда я надираю ему задницу.

– Любовь жестока, да?

– Что-то в этом роде. – Он передвигается быстрыми шагами, так что нетрудно представить, как он расправляется с плохими парнями.

Мне в голову не приходила мысль, что Мейкону нужна охрана. Кажется, я до сих пор не осознаю тот факт, что он – знаменитость. Как бы то ни было, я не могу ни о чем думать, кроме как о том, что увижу его впервые за десять лет. Меня вырвет, если это случится.

– Вы с сестрой совсем не похожи, – внезапно говорит Норт, глядя на меня.

Я замедляю шаг. Ясное дело, мы не похожи. Любой, у кого есть глаза, в состоянии определить это с первого взгляда. Тем не менее меня удивило, что он заговорил об этом. Отчего Норт лишается нескольких очков в моих глазах, и я чувствую разочарование.

Он морщится, очевидно, все понимая по моему лицу.

– Это не было оскорблением. Меня просто поразило, насколько вы разные по темпераменту.

Становится ясно, что в какой-то момент Сэм его зацепила. За эти годы я научилась распознавать признаки – легкое напряжение в голосе мужчины, когда он говорит о моей сестре со смесью разочарования и тоски в глазах.

– И по внешности, – говорю я, прежде чем сдерживаю себя. Тогда я морщусь. В моем голосе слышится горечь, хотя на деле я ее не чувствую. Я просто привыкла к подобным сравнениям.

Выражение лица Норты становится серьезным.

– Да. – Он скользит взглядом по моей груди так быстро, что я бы не заметила это, если бы не смотрела на его лицо. Затем его глаза встречаются с моими, и он слегка улыбается. – Опять же, это не оскорбление.

Щеки заливают тепло. Норт умеет включать обаяние, когда захочет. Мне почти жаль каждую женщину, которая получает полную дозу этого.

Похоже, он вспоминает, для чего я здесь, так как снова начинает идти. Он ускоряет шаг, напрягая спину и держа ее

ровно.

К моему сожалению. Поскольку я бы предпочла остаться здесь. Боже, Мейкон будет взбешен. И он не собирается щадить меня.

Почему я здесь? Я не должна тут находиться.

В голове крутятся слова мамы, сказанные сегодня утром: *«Я никогда в жизни не смогла бы отказаться ни от одной из вас, это было бы равносильно тому, что отказаться от самой себя, потерять еще одну часть себя».*

Да. Они.

Стук моих каблучков по половицам поднимает мне настроение. Бабушка Белль любила говорить, что женщина, которая надела свои лучшие красные туфли на каблучках и накрасила губы любимой красной помадой, способна всего добиться. В этих словах есть доля правды. Когда бабушка Белль надевала свои красные туфли-лодочки и глянцевое пальто от Dior Rouge, она буквально светилась внутренней уверенностью, которая превращала мужчин в послушных щенков.

Хоть я и не обладала классической красотой бабушки Белль, и не думаю, что Мейкон Сэйнт когда-нибудь будет вести себя как послушный щенок, стоит признать, что я чувствую себя более эффектно в красных замшевых туфлях Jimmy Choo и такого же цвета помаде от Ruby Woo.

По крайней мере, так я себе говорю, когда Норт останавливается у закрытой двери и стучит.

В этот момент я настолько взволнованна, что уверена: видно, как мой пульс стучит у основания шеи.

Я чуть не выпрыгиваю из собственной кожи, когда раздаётся глубокий мужской голос со словами:

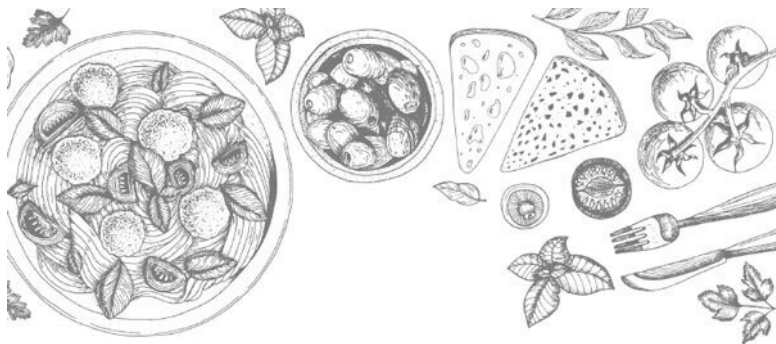
– Войдите.

Норт открывает дверь, а затем отступает, предоставляя мне пространство для входа. На одну короткую счастливую секунду я представляю, как поджимаю хвост и бегу к ближайшему окну, как Трусливый лев⁵. Но вместо этого вхожу в логово волшебника.

⁵ Персонаж из произведения Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из страны Оз».

Глава четвертая

Делайла

В жизни случаются моменты, когда все вокруг как бы замедляется, чувства притупляются, а вы будто наблюдаете за всем со стороны.

Сейчас один из таких моментов. Я окидываю взглядом всю комнату – раздвижную стеклянную стену, из которой открывается вид на океан; встроенные шкафы с золотой статуэткой «Эмми»⁶, стоящей среди различных книг и декоратив-

⁶ Международная телевизионная награда, является эквивалентом премии «Оскар».

ных предметов; массивный стол, заваленный книгами, бумагой и посудой; и *его*.

От нахождения с ним в одной комнате по всему телу распространяется зуд, который не проходит.

Он сидит за своим столом, повернувшись ко мне лицом и уставившись на меня так же, как я на него. Я рассматриваю Мейкона: его большое мускулистое тело – в поразительном физическом состоянии. И замечаю выделяющиеся детали, которые поражают меня.

– Ты выглядишь ужасно, – выпаливаю я.

Его глаза останавливаются на мне, и на мгновение я снова становлюсь семнадцатилетней. Эти глубоко посаженные глаза цвета какао под черными бровями. Когда Мейкон был ребенком, в его глазах, обрамленных длинными закрученными ресницами, сияла глубина, отчего они выглядели ангельскими и милыми. Теперь он напоминает архангела из Ветхого Завета, в глазах которого пылает презрительность и гнев – и этим взглядом он поражает грешников.

– Ну, здравствуйте, мисс Делайла Бейкер, – протягивает Мейкон.

– Прости. – Я заставляю себя улыбнуться, отчего лицо выглядит натянутым. – Это было грубо с моей стороны.

Он лениво машет рукой.

– Нет-нет, продолжай. Прошло много лет с тех пор, как кто-то оскорблял меня в лицо. Я бы сказал, около десяти лет.

– Наверняка я не единственная, кто оскорблял тебя за все

то время.

Большие пухлые губы Мейкона, окруженные теперь такой густой щетиной, что та почти похожа на бороду, растягиваются в полуулыбке.

– Возможно. А возможно, и нет. – Он пожимает плечом. – И я правда выгляжу дерьмово, так что...

На самом деле это не правда. Он все тот же Мейкон, безжалостно красивый и обладающий чрезмерной харизмой для одного человека. Просто на его теле много травм, и он сидит в инвалидном кресле. Вся его левая нога от колена до ступни в гипсе. Его правое запястье обмотано полимерными повязками. Волосы коротко подстрижены, почти как у военного, но это также подчеркивает четкие черты его лица и то, что на его правом, слегка опухшем, глазу красуется черно-синий синяк. Различные царапины портят его загорелую кожу, а на правой брови приклеена полоска хирургического пластыря.

– Что с тобой случилось? – я прохожу дальше в комнату.

– Автомобильная авария. Сломанная малоберцовая кость, вывихнутое запястье, два ушибленных ребра и рана над глазом, если быть точным. – Похоже, он находит свой список травм забавным, я же нет.

– Мне жаль. – И это правда. Какая бы между мной и Мейконом не была вражда, мысль о нем, окровавленном и с переломами, вызывает озноб.

Он оглядывает меня неторопливым, раздражающим взглядом. Его внимание задерживается на моих губах, и на

его лице снова появляется ухмылка.

– Однажды подруга сказала мне, что когда женщина красит губы красной помадой перед встречей с мужчиной, то на это есть две возможные причины. Либо она хочет, чтобы тот ее трахнул, либо же хочет сказать ему катиться к черту.

Меня передергивает от слова «трахнуть» и того, как оно звучит из уст Мейкона: чувственно и горячо. Обычно, если человек, с которым у меня деловая встреча, использовал бы это слово при мне, я бы развернулась и ушла. Однако это Мейкон. Мы проклинали друг друга миллионы раз – но ни разу с таким подтекстом.

Жар приливает к щекам, и я понимаю, что пялюсь на него.

– Мы оба знаем, что в твоём случае это последний вариант.

– Учитывая, что ты пришла одна, я бы пересмотрел твой тон, Картофелька.

Мне хочется огрызнуться в ответ так сильно, что губы дергаются. Но он указал на ужасную правду о ситуации. Сэм здесь нет. И я облажалась. Но я не могу проявить слабость.

– В тот день, когда я решу заняться сексом, чтобы выбраться из щекотливой ситуации, я тут же выброшусь за борт.

– А я и не предлагал. Пожалуй, тебе стоит начать объяснять, почему ты пришла без Сэм. – Он указывает на стул перед столом. – Присаживайся.

Часть меня все еще зациклена на мысли, что Мейкон буд-

то подшутил надо мной, предложив заняться проституцией. И к собственному ужасу, я представляю, как обхожу стол и задираю юбку, чтобы оседлать его мускулистые бедра. Что бы он сделал? Оттолкнул бы меня или притянул ближе? Обнял бы крепко? У него широкие ладони и длинные пальцы. Мое лоно сжимается при мысли о его пальцах, проникающих в меня и медленно трахающих.

Господи, Ди. Возьми себя в руки. Ты ненавидишь этого человека.

Но у меня никогда не было секса из ненависти. Горячего, потного, гневного секса. Ненавижу думать о сексе с Мейконом. Хм... я могла бы оставить его измотанным и стонущим, а затем встать и уйти.

Грудь становятся чувствительными под топом, и я стискиваю зубы. Думать о Мейконе в сочетании с сексом – все равно что напрашиваться на погружение на дно глубокого болота. Как и попасться на его игры разума. Он всегда использовал грубые намеки, чтобы вывести меня из себя. Он бы лопнул от смеха, начни я приставать к нему. А мне точно пришлось бы броситься со скалы.

Расправив плечи, я пересекаю комнату, прекрасно осознавая, что покачиваю бедрами и стучу каблуками. Ловлю взгляд Мейкона, наблюдающего за мной. Я веду себя откровенно сексуально, но в этом и кроется сила. Женщина всегда может выбрать, когда воспользоваться этой силой. И я определенно использую ее сейчас. Если моя помада кричит

«Отвали», то мое тело говорит: «Вот что ты упустил, и ты ни капельки не запугал меня». Мелочно? Возможно.

Приятно? Определенно.

Но не разумно. Я даю себе еще одну мысленную пощечину, дабы перестать делать глупости.

Когда я сажусь и скрещиваю ноги, лицо Мейкона остается бесстрастным.

– У меня не получилось ее найти, – говорю я без предисловий.

– Понятно.

– Я понимаю, некрасиво вышло...

– Так оно и есть.

– Но она никогда... – Черт. Никогда что? Не крала что-то раньше? Сказать это наверняка я не могу. Никогда не покидала город? Это она делала, я точно знаю. Причем много раз. Меня тошнит. – Если Сэм посадят в тюрьму, мама этого не переживет.

Мейкон сжимает губы так, что те белеют в уголках.

– Моя мама умерла. Все, что у меня от нее осталось, – это часы.

Мой голос наполняется сочувствием и становится мягче.

– Я знаю.

Это случилось летом, когда моя семья переехала в Калифорнию. К тому моменту, когда мы получили известие о смерти миссис Сэнт от аневризмы⁷, ее уже похоронили. Это

⁷ Бессимптомное заболевание, необратимый процесс расширения сосудов с по-

был единственный раз, когда мне стало по-настоящему жаль Мейкона и я добровольно подписала открытку, которую послали мои родители.

Напряженное выражение лица Мейкона пробуждает во мне желание сказать несколько слов утешения. Но он говорит прежде, чем я успеваю открыть рот.

– Сэм тоже это знала. Но это не помешало ей украсть часы.

Яма становится все глубже. А я вот без лопаты.

– Я знаю. Мне жаль. Правда жаль. Но если бы ты мог дать мне больше времени на...

– Нет. – В его слове, как и в его взгляде, чувствуется решительность.

– Я уверена, что рано или поздно смогу...

– Нет, Картофелька. Даже ради тебя.

Я моргаю. Даже ради меня? Когда он вообще делал что-то ради меня?

Мейкон бросает на меня понимающий взгляд.

– Возможно, мы и ненавидели друг друга, но наши отношения всегда были интересными. Это тоже что-то значит, учитывая, насколько скучным был наш городок.

Раз он так говорит. Я бы предпочла ударить его по здоровой ноге каждый раз, когда он называет меня Картофелька.

Не бей мужчину, в руках которого свобода твоей сестры, Ди.

– Послушай, Сэм повела себя дерьмово, украв часы. И я

знаю, что не смогу заменить памятную семейную драгоценность.

Мейкон вскидывает бровь, как бы говоря: «Ни хрена себе Шерлок», но ничего не произносит.

– Так что я могу лишь попытаться покрыть убытки. – У меня дрожит рука, пока я вожусь с застёжкой на сумочке. – У меня есть чек на пятьдесят тысяч долларов, который я...

– Подожди, – он приподнимает руку, останавливая меня, – я не могу принять этот чек.

– Нет, можешь, – настаиваю я. – Я понимаю, что это не одно и то же, но я хочу попытаться загладить свою вину, возместив ущерб.

Его губы подергиваются от раздражения.

– Делайла.

Боже, становится только хуже, когда он произносит мое настоящее имя. Во всяком случае, со словом «Картофелька» моя первая реакция – ярость и раздражение. Когда он произносит Делайла, от его голоса по моему телу пробегают обжигающие мурашки. Ничего не поделаешь. У этого мужчины голос подобен виски: глубокий, хриплый и сонный. От таких голосов у женщин возникают мысли о смятых простынях и скользкой от пота кожи. И я понятия не имею, что со мной происходит. Наверное, у меня овуляция или вроде того. Потому что Мейкон Придурок Сэйнт не может меня сексуально привлекать.

– Я не могу принять чек, – решительно повторяет он. –

Потому что часы стоят двести восемьдесят тысяч долларов.

– Чтоб. Меня!!!⁸

Мейкон прищуривается, в его глазах появляется дьявольский блеск.

– Я думал, до этого не дойдет.

Меня сейчас стошнит. От жуткой неловкости. Меня стошнит прямо на девственно чистый стол Мейкона. Я сглатываю, борясь с неприятным ощущением, ползущим вверх по горлу.

– Не шути.

Все остатки юмора испаряются, когда он произносит:

– Ты права. Это не повод для шуток.

– Двести восемьдесят... – я вытираю влажный лоб. – Как, черт возьми, часы могут стоить так дорого?

Мейкон бросает на меня жалостливый взгляд.

– Это Patek Philippe⁹ из розового золота с циферблатом, обсыпанным бриллиантами, идеально подобранными.

Я откидываюсь на спинку стула.

– Я знаю, что часы Patek Philippe дорогие, поскольку видела немало людей в Лос-Анджелесе в них. Но никогда бы не подумала, что эта проклятая вещь стоит как жилой комплекс. – Мейкон вскидывает бровь, поскольку цены на недвижимость здесь не шутка, и я морщу нос. – Ну лад-

⁸ Тут имеется игра слов в английском языке: «fuck me» – чтоб меня; «fuck me» – трахни меня.

⁹ Швейцарский производитель часов класса люкс, основанный в 1829 году. Часы этой марки – одни из самых дорогих серийных часов в мире.

но, как первоначальный взнос на квартиру. Боже милостивый... – я делаю еле заметный жест, – твоя мама носила их каждый день. Будто это какие-то Seiko¹⁰.

Он смотрит на море, предоставляя мне обзор на четкие черты своего профиля.

– Думаю, ей нравилось насмехаться над моим отцом с их помощью.

– Разве не он купил ей эти часы?

Мейкон кривит губы.

– Хоть мой отец и напускал на себя важность, семья мамы была богатой. Дом, машины, часы – все принадлежало ей. И она заставляла его помнить об этом.

Как ни странно, но это звучит так, словно Мейкон одобряет ее поведение. С другой стороны, он никогда не ладил со своим отцом. Как и многие люди. Джордан Сэнт был чудовищем, и я быстро научилась его избегать.

– Значит... – я сбита с толку и не в состоянии придумать, что сказать.

– Значит... – повторяет Мейкон, как бы соглашаясь.

– Мейкон...

– Делайла. – Мое имя звучит как насмешка.

Я прикусываю губу, чтобы не закричать.

– Ты правда ничего не знала о том, что Сэм работает на меня? – тихо спрашивает он.

¹⁰ Японский производитель часов и ювелирных изделий, основанный в 1881 году.

Да, и мне все еще больно от того, что Сэм держала меня в неведении.

– Единственный раз, когда мы говорили о тебе со времен старшей школы, был, когда Сэм сказала, что ты снимаешься в «Темном замке». Я понятия не имела, что вы двое общались.

Выражение лица Мейкона остается пустым, но в его глазах что-то вспыхивает. Что-то очень похожее на ярость.

– Я был чертовски удивлен, когда Сэм подала заявку на должность моего помощника. Честно говоря, мне не хотелось ее нанимать, но она сказала, что находится в отчаянном положении.

– Жалость к Сэм всегда приводит к катастрофе, – бормочу я.

– Тем не менее ты здесь.

В животе загорается пожар, и я наклоняюсь вперед, сжимая руки в кулаки.

– Я здесь не ради Сэм. Я здесь ради мамы. Папа умер в прошлом году, и мы – все, что у нее есть. Лично я убила бы Сэм за это. Мне доставило бы огромное удовольствие врезать этой девчонке прямо сейчас...

Мейкон фыркает от смеха. Зловещая часть меня тоже хочет смеяться, но ситуация слишком ужасна.

– Но ее здесь нет, а я делаю все, что в моих силах. Я просто... я уже потеряла папу, и не могу потерять и маму, Мейкон. Не могу.

– Она знает, какой Сэм человек, – говорит он почти заботливо. Но не из-за меня, а из-за уважения к моей маме. Впрочем, я понимаю, что уважение все равно не заставит его передумать.

– Есть разница между знанием и волнением. Маму уже дважды доставляли в больницу из-за панических атак. Она принимает лекарства от гипертонии, а врач предписал ей беречь себя. На вид она вроде держится, но ее нервы на пределе.

Мейкон сжимает челюсть, отчего сухожилия на его толстой шее резко выделяются. Он тяжело сглатывает, затем заметно расслабляется.

– Я не хочу причинять боль твоей маме. Но Сэм – воришка. Она украла у меня документы, личную информацию. – Его темные глаза вспыхивают яростью. – Пострадали люди.

– Кто? – я задыхаюсь.

– Это не важно, – огрызается он, затем вздыхает. – Суть в том, что, куда бы она ни пошла, после нее всегда остается разгром. И будь я проклят, если на этот раз она выкрутится.

Деяния Сэм – не мои, однако прямо сейчас мне так стыдно за нее, будто меня облили грязью.

– Возможен ли вариант оплаты?

– Хмм... – Мейкон проводит указательным пальцем по челюсти. Щетина на его лице только привлекает внимание к его губам и их мягкому изгибу. Трудно сказать, намеренно ли он отрастил бороду или же просто не в состоянии по-

бриться после несчастного случая. – Тебе принадлежат популярные точки общественного питания.

Это не вопрос, а утверждение. От которого по моей спине скользит неприятное чувство.

– Откуда ты это знаешь?

В выражении его лица есть намек на осуждение, будто я должна знать ответ.

– Я искал информацию о тебе. Сначала Стэнфордский университет, специальность история искусств, но ты бросила его после первого курса и перевелась в Кулинарный институт Америки. Потом стажировка в Париже в течении года, а в следующем в Каталонии. Работала в Verve and Roses в Нью-Йорке, прежде чем вернуться в Лос-Анджелес три года назад, чтобы открыть собственный бизнес.

– Иисус. – Кажется, будто всю кожу на лице стянуло. – Как-то жутко, что ты так много раскопал. Ты понимаешь это?

Мейкон укоризненно качает головой.

– Это есть на твоём веб-сайте, Картофелька.

А сейчас я съезживаюсь.

– Точно. Забыла об этом. И все же это посягательство на мои права.

Он бубнит в своей раздражающей, высокомерной манере.

– Думаешь, я не стал бы заглядывать в твою жизнь, когда доверил вернуть часы моей мамы?

– Формально я должна была вернуть Сэм, а не часы.

– И ты отлично с этим справилась.

– Козел.

На его лице появляется тень улыбки, прежде чем исчезает.

– Почему ты закрыла свой бизнес на прошлой неделе?

– А вот это не твое дело.

Невозмутимый, он продолжает анализировать всю мою жизнь.

– По всем меркам он был чрезвычайно успешным. Черт, за последний год я встречался как минимум с тремя людьми, которые предлагали твой ресторан для мероприятий.

Боже. Он знал, что я нахожусь в городе так долго? И, очевидно, не хотел прибегать к моим услугам. Это больно задевает. Хотя не должно. В конце концов, мы разошлись как враги.

– Да, бизнес был успешным, – огрызаюсь я.

Пока я не закрыла кондитерскую-лавку, у меня были десятки сотрудников и полный список клиентов. Я зарабатывала хорошие деньги, хотя из-за сумасшедшей дороговизны жизни в Лос-Анджелесе, оплаты дома и маленькой промышленной кухоньки, которую я арендовала для бизнеса, мне по-прежнему приходилось жить в рамках бюджета. Но все в порядке. Любое развитие – это движение вперед, постепенно шаг за шагом. Рано или поздно, и я достигну высот.

– Решение закрыть бизнес не связано с деньгами.

Похоже, Мейкон мне не верит.

– Тебе не хватило накладных расходов, чтобы покрыть

долги?

Он говорит о таких вещах, от которых у меня покалывает живот.

– Если ты намекаешь на то, что я каким-то образом действовала заодно с Сэм, чтобы обобрать тебя на вырученные средства от часов...

– Забавно, как далеко зашли твои мысли.

– О, не строй из себя дурака. Понятное дело, так оно и есть, когда ты сидишь напротив меня, приподняв бровь и строя из себя мистера Детектива. – Мейкон уставился на меня, приподняв эту чертову бровь.

Я закатываю глаза.

– Мне не нужны деньги. Разве я не предложила тебе пятьдесят тысяч долларов?

– Почему ты закрыла ресторан, Делайла?

– Потому что я двигаюсь дальше! – выпаливаю я.

Он вскидывает брови до небес.

Черт, я говорю так, словно собираюсь покинуть город. Я подавляю желание съезжиться.

– Я отправляюсь в турне по Азии, чтобы изучить новые технологии и рецепты. – Если только он не примет деньги. Иначе мне чертовски не повезло и придется вернуться к ресторанному бизнесу.

Мейкон откидывается на спинку стула и продолжает водить кончиком пальца по подбородку. За этими темными глазами явно кроется много неладных мыслей.

– Как ты собираешься финансировать свою поездку? – Я ни за что не расскажу. Ни за что.

Но он и так знает. Это можно прочитать по его лицу и по тому, как оно расслабляется, прежде чем исказиться от разочарования во мне.

Вздыхнув, он кладет руки на свой плоский живот.

– У тебя нет работы, поэтому ты не сможешь вернуть мне деньги. – Верно. Черт возьми. Я открываю рот, чтобы сказать... хоть что-то, что угодно, но Мейкон продолжает: – Сэкономь свои деньги и отправляйся в путешествие.

Хоть я и знала, что он откажется брать деньги, мои внутренности сжимаются от страха.

– Рано или поздно Сэм вернется. Она всегда возвращается. Просто дай ей еще немного времени.

Из него вырывается многострадальный вздох.

– Нет.

– К чему такая спешка?

– Потому что я не верю, что она вернется, – огрызается он.

– Должен же быть выход.

– Он есть, только тебе не нравится.

Оказавшись в безысходном положении, мы оба замолкаем. Раздается скрип кресла под значительным весом Мейкона. Не сказать, чтобы он был здоровяком: этот человек – груда мышц, ставших только больше с момента окончания школы. В семнадцать лет Мейкон обладал телосложением модели: худощавый и гибкий. Он по-прежнему худой, но теперь

напоминает игрока НХЛ¹¹. Мне стало интересно, нарастил ли он свое тело для роли Арасмуса – Короля Воинов, владеющего мечом.

Между нами затягивается тишина, пока единственным источником звука в комнате не становится шум волн и стук моего сердца. Я раскрыла свои слабые места, и от осознания этого меня скручивает. Но правда в том, что у меня закончились идеи.

Мейкон резко начинает говорить, отчего я слегка вздрагиваю.

– Послушай, Делайла, я понимаю твою ситуацию. Но это не изменит того, что сделала Сэм. Теперь мне придется разбираться с этим с помощью полиции.

Комната словно уходит из-под ног, и меня охватывает паника. Я не могу дышать. Это не должно закончиться таким образом. Мейкон Сэйнт не разрушит мою семью. Я ему не позволю.

– Возьми меня на работу.

* * *

Возьми меня на работу.

Я так сказала. Верно? Ничего не соображаю. У меня немеет лицо. В голове пустота.

¹¹ Национальная хоккейная лига клубов США и Канады, главный трофей – Кубок Стэнли.

Наступает неловкая пауза. Мейкон сводит брови на переносице.

– Прости, что?

Ладно, я неудачно выразилась. Но я не отступлюсь. Мейкон, которого я знала, никогда не упускал шанса доказать мою неправоту. Я должна воспользоваться шансом и убедиться, что он все тот же.

– Готова поспорить, что Сэм вернется менее чем через три месяца и возместит украденное. И, чтобы заверить тебя в этом, я предлагаю себя в качестве залога. Я отработаю долг Сэм.

Теперь Мейкон откровенно разинул рот.

– Давай-ка проясним. Ты хочешь стать моей помощницей?

– Я не *хочу*, – говорю я, спокойно делая вид, что по спине не стекает пот. – Но стану, если ты...

– Этого недостаточно. – Его тело вполне могло быть высечено из гранита, несмотря на скованные движения. Но его глаза полны раздражения. – Мы говорим о пропаже в триста тысяч долларов. О чем-то весьма памятном.

Я поняла. Он хочет мести. Я тоже, если быть честной.

Облизываю свои пересохшие губы.

– Вдобавок я буду твоим личным шеф-поваром. – Когда он собирается ответить, я спешу продолжить: – Лучшие помощники зарабатывают от ста до ста пятидесяти тысяч в год.

– Год работы будет равен трем сотням тысяч долларов. А

ты говоришь, что она вернется меньше чем через три месяца. – Черт, он прав.

– Если она не вернется, я останусь на год.

Я уверена, что пролью немало крови, работая на Мейкона. Но если это убережет мою семью от беды, то я сделаю это. Я смогу прожить год с Мейконом. Кроме того, я уверена, что Сэм вернется раньше. Будут ли у нее часы – другой вопрос. Я отбрасываю этот страх в сторону и выдерживаю взгляд Мейкона.

Какое-то время он ничего не говорит. Но затем из его груди вырывается рычание. И он откидывается на спинку стула, словно пытается создать как можно большее расстояние между нами.

Мейкон грубо проводит рукой по щетине, и на этот раз я вижу, как истинные эмоции заливают его щеки.

– Какого черта, Делайла? В прошлом мы не раз срывались друг на друга из-за малейшей провокации, а сейчас ты хочешь добровольно окунуться в своего рода рабство. Ты совсем с ума сошла? Или тебе просто нравится строить из себя мученицу, когда дело касается Сэм?

– Строить мученицу? – я визжу. Я знаю, что это правда. Наверное, я просто не могу перестать защищать Сэм.

Он морщится, будто из-за меня у него болят уши.

– Кажется, ты одержима желанием взять грехи Сэм на себя снова.

Сжимаю руки в кулаки.

– Я никогда не защищала Сэм.

– Не изображай из себя оскорбленную невинность. Ты всегда вмешивалась и прикрывала Сэм. Или же закрывала глаза на ее выходки.

Несмотря на все усилия, мои ноздри раздуваются от яростного дыхания.

– Я никогда не закрывала глаза на ее выходки...

– О, еще как закрывала. – Мейкон кривит губы в усмешке. – Она намного хуже, чем ты думаешь.

– Тогда выходит, ты дурак, раз нанял ее?

– Тише, Картофелька. – Он слабо улыбается. – Я совершил глупость. И это был последний раз, когда я пожалел Сэм. Тем не менее, думаю, тебе лучше в это не ввязываться.

– Ну, я везунчик.

Он свирепо смотрит на меня.

– Ты все еще жутко раздражаешь.

– А ты все еще придурок.

Моргнув, он раздражается смехом. Его смех такой забавный, что я поневоле улыбаюсь в ответ. Но затем сильно прикусываю губы.

Смех Мейкона затихает так же быстро, как и разразился.

– Это отстойная сделка для тебя, Картофелька. Все еще не могу понять, зачем ты предложила это.

Потому что я явно сошла с ума. Потому что больше ничего не могу предложить. Но не могу сказать ему ничего из этого.

– Сэм – моя сестра. А в семье люди заботятся друг о друге.

– Скажи это Сэм.

Держи себя в руках, Ди.

– Слушай, либо я буду постепенно возвращать тебе деньги, либо ты примешь мое предложение.

– Ни один из вариантов не устраивает.

– Но ты обдумываешь их. – Это я могу сказать точно по тому, как выражение его лица изменилось с раздраженного на задумчивое. О, это явно злит его, но он не прогоняет меня.

Мейкон поворачивает голову, глядя в окно.

– Обдумываю, – фыркает он себе под нос. – Должно быть, я сошел с ума.

– Добро пожаловать в клуб, – бормочу я.

Он резко поворачивается, пригвождая меня к месту своими темными глазами.

– Я мог бы превратить твою жизнь в ад.

– Похоже, тебе даже не стыдно за такую возможность.

– Мне нет. Ты сама умоляешь меня нанять тебя на работу, вместо того чтобы привлечь Сэм к ответственности.

Я щелкаю зубами. Я не разговаривала с этим человеком десять лет, и с тех пор ни с кем так много не спорила, как с ним. Даже во время ссор с Сэм не было столько перепалок. В основном она больше провоцировала, чем отвечала. Мейкон же заставляет меня обыгрывать его.

Спорить с ним – все равно что примерять узкие джинсы, которые вы достали из шкафа спустя несколько лет и кото-

рые все еще подходят, хоть и сидят плотно. Пожалуй, это не совсем удобно, но в какой-то степени воодушевляет.

– Три года назад, – начинаю я, – Сэм исчезла на неделю. Полиция нашла ее машину, брошенную на шоссе. Когда они пришли рассказать об этом маме, ее госпитализировали. Как оказалось, у нее поднялось давление, усугубившееся панической атакой. А это случилось, когда еще был жив папа, способный успокоить ее. Поэтому, когда я говорю, что ее сердце не выдержит этого, то не преувеличиваю.

Лицо Мейкона становится мрачным.

– А что Сэм? Где она была в это время?

Я заставляю себя выдержать его понимающий взгляд.

– Уехала с каким-то парнем. Она утверждает, что машина сломалась и что собиралась разобраться с ней позже.

Мейкон кривит губы в несколько подавленной улыбке.

– Когда я только переехал в Лос-Анджелес, Сэм приехала навестить меня. – По телу пробегает шок. Сэм никогда не упоминала, что знала, где все эти годы был Мейкон, или что вообще хотела узнать.

Он продолжает говорить.

– Каким-то образом она узнала, что я нашел агента. Сэм тоже хотела заняться актерством. И, как в старые добрые времена, умоляла меня назначить встречу. – Его улыбка натянутая и невеселая. – Эта чертовка пришла пьяная и оскорбила моего агента всего за две минуты. Потому что в этом вся Сэм. Она раз за разом извлекает выгоду, а нам лишь оста-

ется исправлять ущерб.

– Тогда что побудило тебя снова нанять ее? – спрашиваю я, по-настоящему ошеломленная.

Ухмылка становится горькой.

– Очевидно, у меня есть слабое место, когда речь заходит о сестрах Бейкер.

– Ты же не думаешь, что я поверю в эту чушь, правда?

Мейкон пожимает массивным плечом.

– Ну и не верь. Возможно, было высокомерно предполагать, что я смогу контролировать Сэм, если найму ее. Не знаю. – Он наклоняется вперед, пригвоздив меня взглядом. – Но я точно знаю, что больше не допущу этого.

– Я понимаю это, Мейкон. Правда понимаю. – Когда он недоверчиво приподнимает бровь, я продолжаю: – Но ты тоже кое-что получишь от этой договоренности.

– Ты это уже говорила, – бормочет он. Но в его темных глазах появляется расчетливый блеск. Контроль. Мейкон любит контроль.

– Ну же, – насмехаюсь я. Другой вопрос – насмехаюсь ли я над ним или над собой. – Подумай об этом. Я буду твоей служанкой целый год. Разве ты не этого всегда хотел? Держать меня в своей власти?

Между нами нарастает странная пульсация. Наступает затяжная пауза, и все это время он не шевелится, его мышцы напряжены. Между нами пробегает ток. Затем Мейкон издает короткий, холодный смешок.

– Черт возьми, а ты хороша.

Хмурю брови.

– Не знаю, о чем ты...

– О да, ты чертовски хороша. – Мейкон качает головой. Его улыбка не забавляет. – Твое предложение дает повод для разных мыслей. Хочешь, чтобы я почувствовал себя виноватым, почувствовал стыд из-за ситуации и прекратил все это.

Я ерзаю на стуле, желание отвести взгляд настолько сильное, что у меня болит шея. Черт.

Мейкон сжимает губы в жесткую линию.

– Типичный ход Делайлы Бейкер – манипулировать всеми, убеждая их в искреннем самопожертвовании, при этом превращая меня в злодея.

– Ты чересчур драматизируешь, – произношу я. Однако не могу остановить горячее зудящее чувство, которое ползет по коже. Именно этим я и занималась. Часть меня надеялась, что он окажется настолько потрясен, что откажется от идеи.

– Я готов согласиться лишь для того, чтобы посмотреть, как ты берешь свои слова обратно. – Он откидывается назад и сцепляет руки на животе. – Готов поспорить, ты выбежала бы из этой комнаты так чертовски быстро, что занавески закачались бы.

Этот зудящий жар превращается в прилив раздражения.

– Я не убегу. Какими бы ни были мои мотивы, мое предложение настоящее. Может, Сэм и безнадежный случай, но я обязана своей матери намного больше, чем ты способен по-

нять. Я сделаю все возможное, чтобы сохранить ее душевное спокойствие.

Не знаю, что он видит на моем лице – поскольку не уверена, что ощущаю в данный момент: страх, гнев, решимость, даже странное чувство ожидания.

Его тон звучит по-деловому, когда Мейкон наконец отвечает:

– Если я приму пари, то ты будешь жить здесь. Проживание и питание за мой счет.

Удивительно великодушно с его стороны предоставить проживание и питание.

– И, если до конца года Сэм вернется с часами, моя заработная плата за все это время останется при мне.

Он прищуривается.

– Справедливо. Но когда ты работаешь на меня, то выполняешь все мои приказы – без каких-либо вопросов и не угрожая мне нашим маленьким соглашением. Ты сама решилась на это.

Это правда. Меня прошибает холодный пот, губы немеют. Я концентрирую внимание на дыхании через нос, чтобы меня не стошнило.

– Это тебя гложет, да? – говорит он слишком довольный. – Мысль о том, чтобы подчиняться мне.

– И как вы только догадались, Детектив?

Его улыбка во все тридцать два зуба наполнена чистым честолюбием.

– Ты будешь в моей власти, Делайла. В течение целого года твоя задница будет принадлежать мне.

Боже правый, он говорит так, будто ему нравится эта идея. Будто у него есть планы на меня. Волосы на затылке встают дыбом, руки дрожат. Я сжимаю пальцы в кулак.

– Я буду работать на тебя. Но не принадлежать.

– Ну как сказать, – возражает Мейкон.

– Если ты пытаешься отделаться от меня, то ничего не выйдет.

– Лучше сделай это сейчас, чем через три недели.

Как Сэм.

Хотелось бы мне лучше понимать Мейкона. Он не выдает ничего, чего не хотел, чтобы я знала. Но есть вещи, которые я должна знать.

– Между тобой и Сэм что-то произошло?

Прямо сейчас он похож на гранитную стену.

– Думаешь, я трахал ее? В любом случае, не понимаю, почему тебя это волнует.

– Не волнует. Но если это какая-то нездоровая игра в месть между вами, то мне хочется узнать о ней сейчас.

Наклоняясь вперед, он кладет здоровую руку на стол. Не совсем медленно, тем не менее ему не достает его обычной грации. И мне становится интересно, насколько сильную боль причиняют его раны.

– Я бы не стал прикасаться к твоей сестре, когда на ней защитный костюм. Она сама по себе токсична. Я еще дав-

ным-давно понял это.

Мейкон прав, но я удивлена, что он знает о недостатках Сэм и что в самом деле озвучил их мне.

– Не хорошо так говорить о своей первой любви.

Он моргает, словно я тоже его удивила. Но выражение его лица остается сдержанным.

– Я никогда не считал ее своей первой любовью. – Лед в глазах Мейкона немного тает, когда он изучает меня. – Последний шанс, Делайла. Откажись от затеи, и мы оба притворимся, что этого никогда не было.

– Я не могу. – Звучит как полная чепуха.

Мейкон моргает, на его лице нет ни одной эмоции.

– Я тоже не могу.

Боже. Не могу поверить, что делаю это. Что настаиваю на этом.

– Тогда о чем может идти речь?

Он качает головой, испуская усталый вздох.

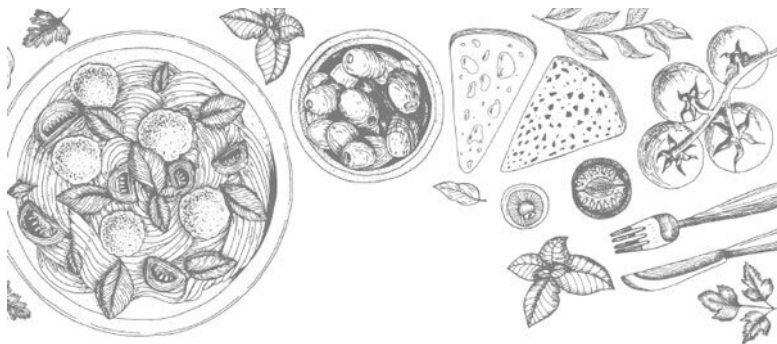
– Я дам тебе пару часов, чтобы прийти в себя. Скажем, до полуночи?

Я не ожидала такой доброты. Что также достаточно жестоко, поскольку без этого было бы легче.

– Хорошо. – Я поднимаюсь на ноги. Мне нужно убраться подальше из этого прекрасного дома и от этого человека. Мне нужна моя кровать и хороший сон, прежде чем собраться с силами.

Глава пятая

Делайла

Я ищу луч надежды. На своем потолке. Не лучший план, конечно, но это все, что мне остается. Я не могу работать на него. Не могу.

Нет, могу.

Пытаюсь сконцентрироваться на том, чтобы отбросить свою гордость и позволить Мейкону руководить мной. И... не могу.

Мама-медведица:

Делайла, это мама.

ДиПрелесть:

Я знаю. Я сохранила твой номер.

Я понятия не имею, чего она хочет, но, поскольку я не сплю и последние несколько часов пялюсь в потолок, будет приятно отвлечься на разговор с мамой.

О, чудесно. Я пыталась дозвониться до Сэм. Она не отвечает на звонки.

Я вздрагиваю под коконом из одеял. Не на это я хотела отвлечься. С замиранием сердца пытаюсь придумать, что сказать, чтобы не вызвать панику у мамы.

Мам, сейчас середина ночи. Вероятно, она спит. А почему ты не спишь?

Мне за шестьдесят, и я живу одна. Я почти не сплю. Я смотрю HGTV¹² и планирую свадьбы своих девочек.

Может, поэтому она и не отвечает.

Делайла Энн, перестань пытаться отвлечь меня. Ты ведь по этой причине звонила мне ранее? Искала ее, потому что Сэм снова сбежала, верно?

Что ж, черт возьми. Одно дело – осторожно расспросить маму о Сэм. Другое дело – когда мама всерьез начинает беспокоиться. Я надеялась, что она не сложит два плюс два вместе.

¹² Американский телеканал, на котором транслируются реалити-шоу, посвященные благоустройству дома, покупке жилья и ремонту.

Вроде того.

В руке звонит телефон. Я ожидала этого, но ответить все еще страшно.

– Привет, мам.

– Ох, эта девчонка, – говорит она с раздражением. – Почему она всегда так поступает?

– Не знаю. Но уверена, что рано или поздно Сэм вернется. – А если нет, то я окажусь в полной заднице.

Мама вздыхает.

– Бывают ночи, когда я просыпаюсь в ужасе, что мне позвонят и сообщат, что Сэм арестована или плохо кончила.

Я сжимаю переносицу.

– Понимаю.

– Тебе известно, во что она ввязалась на этот раз? – Ничего особенного. Всего лишь крупная кража.

– Нет. – Не люблю лгать маме. Ненавижу.

Мама издает звук, подозрительно похожий на всхлип. Ненавижу видеть ее слезы еще больше.

– Мое сердце не выдержит этого, Делайла. Если что-то случилось... я не смогу... я только что потеряла твоего отца.

Ужасная ситуация.

– Знаю.

Облизывая губы, смотрю на прикроватные часы. Я пропустила срок, который дал мне Мейкон. Меня охватывает паника, отчего слова звучат резко:

– Она вернется, мам. Все будет хорошо. Обещаю.

Мама издает слабый смешок.

– Что бы мы делали без тебя, Ди? Моя разумная, надежная девочка. Я почти уверена, что то, что осталось от нашей маленькой семьи, развалится на части.

И вот так звучит мой приговор.

Мейкон

Сладкая Картофелька:

Договор в силе?

Сейчас середина ночи, и срок, который я дал Делайле, давно истек. Тем не менее я практически бросаюсь к телефону, когда тот звонит. Теперь я смотрю на слова, и они кажутся бессмысленными. Хотя это не так. Она согласна. Черт возьми, она должна была отказаться.

Крайним сроком была полночь, Картофелька.

Она не отвечает, и чувство того, что я не хочу называть сожалением, ударяет прямо в грудь. Но затем на экране появляются три маленькие точки.

Уже за полночь. Я в деле. А ты?

Какая наглость. Черт. Ну почему это должна быть она? Почему она единственная, кто заставил меня чувствовать себя по-настоящему живым за последние месяцы, черт возьми, *годы*? И почему я так чертовски рад, что она настаивает на

этом?

Мое сердце чуть ли не выпрыгивает из груди. Разум лихорадочно работает, пытаюсь понять, что, черт побери, делать. Потирая рукой усталое лицо, печатаю единственный возможный ответ, а затем отбрасываю телефон, будто это змея.

Жду к 9 утра в своем доме. Важно следовать моим указаниям.

Я сделал это.

Что, черт возьми, я наделал?

Лежа в постели, я смотрю в потолок и задаю себе тот же вопрос, который задавал с тех пор, как Делайла стала *Крестным отцом*¹³, сделав предложение, от которого, как она знала, я не смогу отказаться. Каким-то образом она поняла, что я ухвачусь за возможность командовать ею.

Когда я только стал знаменитым, то чувствовал себя королем. Все желали угодить мне, а я позволял им это. Для меня было привычным, что люди подлизывались ко мне, как бы высокомерно это ни звучало. Ведь когда ты вырастаешь в доме, похожем на мой, одобрение окружающих подобно выходу на солнце после многих лет ледяной тьмы.

Я недооценил Голливуд и то, что здесь все друг друга используют. Хотя сам прекрасно знаком с манипуляциями. Но

¹³ В романе «Крестный отец» предложение донна Корлеоне – завуалированный ультиматум, принуждение под скрытой угрозой, от которого нельзя было отказаться.

я так жаждал чего-то хорошего, чего-то своего, что потерял бдительность. Вскоре я потерял счет тому, сколько раз было подорвано мое доверие. Мне казалось, я сумею за километр увидеть ложь и манипуляции Сэм. Но видите, к чему меня это привело? Неужели мне теперь и вправду придется впустить Делайлу в свою жизнь? Ту самую Делайлу, которая открыто ненавидит меня?

Но ее презрение ко мне – настоящее облегчение. Глоток свежего воздуха. И я либо вдохну его, либо задохнусь. Или, возможно, это сущий дьявол, который всем известен.

В любом случае, во мне по-видимому нет ни капли здравого смысла, когда дело касается этой девушки – точнее женщины. Теперь она настоящая женщина. Ее тело из мягких детских форм превратилось в пышные изгибы и изящные линии. Делайла Бейкер – спелый персик с пухлыми красными губами, кричащими «трахни меня».

– Не думай об этом, чувак, – стону я в темноте. Но не получается.

Все ее тело покачивалось и раскачивалось чересчур эффектно – пышные бедра, подпрыгивающая грудь, блестящие волосы, ниспадающие на плечи.

И эти красные губы были как восклицательный знак в заявлении «Иди к черту, Мейкон!», которое она делала при каждом взгляде на меня. Я ни капли не сомневаюсь, что Делайла хотела свести меня с ума в течение всего нашего разговора. У нее никогда не получилась скрыть раздражение.

Но что раздражало меня тогда и до сих пор, так это ее готовность заплатить за грехи Саманты.

Меня всегда это бесило в Делайле. Против меня она будет сражаться, впиваясь зубами и ногтями, но ради Сэм прогнетса и позволит вытирать о себя ноги.

Но я не могу винить ее в этом. Делайла убеждена, что защищает свою маму от страданий. Что чертовски благородно. А я подонок, который пользуется этим, поскольку ни на секунду не верю, что Сэм вернется и исправит ситуацию.

Я удивил сам себя, когда принял сумасшедшее предложение Делайлы. Часть моего разума кричала заткнуться и позволить бедной женщине уйти. Отпустить ситуацию с Сэм. Но я этого не сделал. Не смог. Не хочу вдаваться в подробности *почему*, поскольку уже не уверен, связано ли это с часами, Сэм или Делайлой.

Делайла. Наша реакция друг на друга похожа на эксперимент с уксусом и пищевой содой, который мы проводили на уроках естествознания в детстве. Даже сейчас она делает из меня глупого школьника. Но в ту секунду, когда она вновь появилась в моей жизни, я осознал два неоспоримых факта: я чертовски одинок, а Делайла Бейкер напоминает мне дом.

И теперь она будет жить со мной. Это одновременно и победа, и гибель, ожидающая своего часа.

– Черт. – Это ужасная идея. Эта женщина ненавидит меня до глубины души, что правильно. В подростковые годы я вел себя как урод по отношению к ней. Причинял ей боль таки-

ми способами, от которых самому становится противно. Она же ранила меня теми способами, о которых даже не догадывалась. И все дошло до того, что мы причинили друг другу неизгладимые страдания.

Резкая боль пронзает ногу, когда я протягиваю руку и хватаю телефон, чтобы закончить это безумие. Ее последнее сообщение ярко вырисовывается в темноте: «Уже за полночь. Я в деле. А ты?»

С таким же успехом она могла бы сказать: «Я дважды бросаю тебе вызов, Мошенник».

Я улыбаюсь, потирая большим пальцем край телефона. Мне следует ответить, прекратить все. Я понимаю это. Но пальцы не двигаются.

Последние десять лет я был предоставлен сам себе. С тех пор как получил роль Арасмуса, а в придачу всю ту ахиною, которая приходит со славой, я закрылся ото всех. Оставил лишь важные связи. Мне казалось, что одиночество мне по душе. Что покой – это когда рядом нет людей, которые по-настоящему меня знают. Я могу быть кем угодно, таким же обманчиво привлекательным, как отполированное зеркало.

Но вот в чем загвоздка. Люди видят то, что хотят видеть. Им нравятся мои деньги, слава, внешность. В итоге они не видят настоящего. Делайла не купится на внешний лоск. Так было всегда. И я понятия не имею, хорошо это или плохо.

Голос в голове шепчет, что если я сейчас отступлюсь, то буду сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Кто знает, мо-

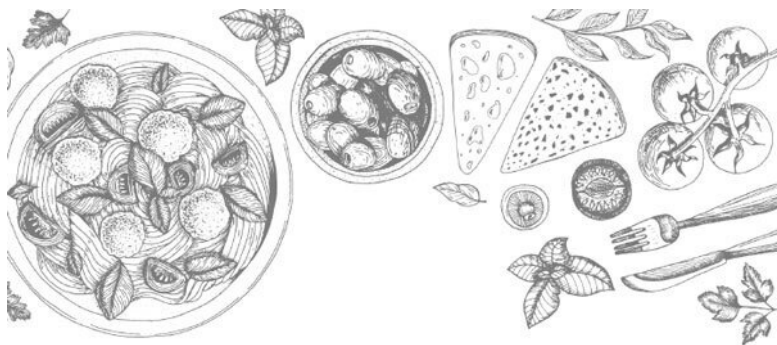
жет, это меня подстегивает дьявол, сидящий на моем плече.

Однако мое шестое чувство завело меня слишком далеко, поэтому я просто кладу телефон.

Глава шестая

Делайла

От ДиПрелесть СэммиБейкер:

Я, как и всегда, подчищаю за тобой. Если в тебе есть хоть капля любви ко мне или маме, ты вернешься домой.

Мне следует ненавидеть дом Мейкона. Но не получается. Он невероятно красивый. Любовь к этому дому вызывает во мне желание пнуть что-нибудь – желательно упругую задницу Мейкона.

Дверь вновь открывает Норт.

– Доброе утро, мисс Бейкер.

– Можно просто Делайла. – Я прохожу внутрь, вдыхая чудесный аромат лаванды и лимона. Дьявол.

– Делайла.

– Норт – это твое имя или фамилия? – спрашиваю я, когда он закрывает за мной дверь.

Он морщит нос, словно смущен.

– Имя. – Он заметно волнуется, прежде чем собирается с силами. – Мое полное имя Норт Уэст¹⁴.

Я хочу многое сказать, но думаю, он все это слышал.

– «К северу через северо-запад» один из моих любимых фильмов.

Норт смотрит на меня так, будто я сошла с ума, прежде чем ухмыльнуться.

– Ты надо мной прикалываешься? Сэйтн рассказал тебе?

– Нет. Что?

Норт качает головой.

– Это любимый фильм моей мамы.

– Ах. Так вот откуда взялось твое имя?

– Ага. К сожалению.

– Ну, меня называли в честь моей двоюродной бабушки Делайлы, которая утонула лицом в пироге.

Норт давится смехом.

– Прости, что?

– Она упаковывала один из своих знаменитых клубнич-

¹⁴ Дословный перевод «North West» (англ.) – Северо-Запад.

ных муссовых пирогов, с которым выиграла не одни соревнования, чтобы взять его на вечеринку в понедельник вечером, когда упала в обморок – доктор посчитал, что у нее были проблемы с уровнем сахара в крови. Так она и очутилась лицом в торте.

Норт моргает.

– Я...

– Не вздумай попасться на одну из небылиц Делайлы, Норт, – неожиданно говорит Мейкон со стороны входа в зал. – Ты повязнешь в этом, а тебе этого не хочется.

Он сидит в инвалидном кресле, и это зрелище пугает. Может, я и думала о Мейконе как о зазнавшемся подонке, но в моей голове он всегда был неуязвим и невосприимчив к травмам. Тем не менее он все еще придурок.

– Это не небылица, – огрызаюсь я. – Это правда.

Он закатывает глаза.

– Женщина захлебнулась собственной рвотой, а не утонула лицом в пироге.

– У тебя своя правда, у меня своя...

– Давайте бросим всю эту чепуху¹⁵, – заканчивает Норт, подмигивая.

Я улыбаюсь.

Мейкон раздраженно фыркает.

– Разве у тебя нет работы, Норт?

Норт даже не смотрит в его сторону.

¹⁵ Слова из песни Ella Fitzgerald – «Let's Call the Whole Things Off».

– Нет, *босс*. – Его тон не совсем язвительный, но он явно не боится, что может потерять работу.

– Так займись чем-нибудь, – вежливо говорит Мейкон, но смотрит не на Норта, а на меня. – Я сказал тебе привезти свои вещи.

В своих указаниях Мейкон сказал, что мне нужно взять одежды как минимум на неделю. После чего я смогу вернуться домой, чтобы собрать то количество вещей, которое, по моему мнению, мне понадобится в течение года, а также договориться о сдаче моего дома в аренду, если я того пожелаю. Тогда мне хотелось выбросить телефон.

– Мои сумки в машине.

– Норт принесет их сюда.

– Сюда? А разве не в гостевой домик?

– Прости, Картофелька. Гостевой домик занят. В нем живет Норт.

Разочарование проносится по телу, как зудящая сыпь.

– Что? Разве в нем не жила Сэм?

Темные глаза Мейкона сужаются.

– Ты не Сэм. Ты остаешься здесь.

Я не могу просто отпустить это.

– Почему?

Его щеки заливают румянец.

– Потому что я так сказал.

Слова звенят по всему дому, и, как мне кажется, удивляют нас обоих. Мейкон моргает, словно выходит из своих разду-

мий. Я же издаю невеселый смех.

– Говоришь как моя мама.

– Осторожно со словами, иначе я отшлепаю тебя.

Неприятный жар касается моих бедер, и я переминаюсь с ноги на ногу, чтобы не сжать их.

– Попытай. Удачу.

Мы смотрим друг на друга с разных концов комнаты. Я почти уверена, что мы оба проверяем друг друга на прочность с этой договоренностью в ожидании, кто сдастся первым.

Норт хлопает в ладоши.

– Итак, детки. Я принесу сумки Делайлы сюда. И я хочу видеть на вас счастливые лица, когда вернусь. Счастливые. Лица.

Мейкон не сводит с меня глаз.

– Свали, Норт.

Норт качает головой.

– После твоих похорон, чувак.

Он оставляет нас наедине.

Взгляд Мейкона скользит по моему лицу.

– Ты все это время собираешься быть занозой в заднице?

– Только когда ты ведешь себя как придурок.

Он кривит губы.

– Прямо сейчас мне жутко хочется дернуть тебя за одну из твоих косичек.

Я не буду улыбаться. Нет. Ни за что.

– У меня нет косичек.

В его голосе появляются хриплые нотки.

– Тогда, может, завтра.

– Даже и не надейся.

Он слегка фыркает.

– Пошли. Я покажу тебе все. – Он касается кнопки на подлокотнике своего инвалидного кресла и разворачивается.

Я догоняю его и шагаю рядом. Мейкон смотрит на меня и хмурится.

– Не могу понять, нравится ли мне то, что ты возвышаешься надо мной.

– Теперь ты понимаешь, что я чувствовала все те годы, – радостно говорю я. В старших классах Мейкон был как минимум на пятнадцать сантиметров выше меня. Теперь он выглядит крупнее, и, вероятно, сантиметров на тридцать выше, когда стоит, смею предположить.

Он хмыкает, останавливаясь у ряда дверей.

– Нажмешь на кнопку?

Я выполняю просьбу.

– Лифт? Очень удобно.

– Это глупо для двухэтажного дома, – признается он, шутя над собой. – Но предыдущей владелицей была художница. Она рисовала огромные холсты и не доверяла никому спускать их по лестнице. И ее единственным условием для дома было, чтобы в нем был сверхширокий лифт.

Ох уж эти прихоти богатых. Хотите лифт в своем особня-

ке на берегу моря? Без проблем.

Раздается тихий щелчок, и индикатор на панели сообщает о запуске лифта. Сначала я открываю внешние двери, а затем двери самого лифта. Мейкон вкатывается в него, и вскоре мы едем вверх.

– Сколько еще ты будешь находиться в кресле? – спрашиваю я.

– Еще неделю, затем мы идем к врачу, и они выдают мне костыли.

– Мы?

Он смотрит на меня, когда лифт останавливается.

– Да, мы. Теперь ты моя помощница, Картофелька. Ты ходишь туда же, куда и я.

С тем же успехом он мог сказать: «Добро пожаловать в Ад».

Сжимая переносицу, чтобы избавиться от головной боли, я бросаю на Мейкона взгляд из-под руки.

– Так, и что в себя включает работа помощника?

– Ты спрашиваешь об этом сейчас, после того как предложила себя прямо на блюдечке с голубой каемочкой?

– Просто ответь на вопрос, Мейкон.

Уголки его губ изгибаются. Это не просто улыбка. Это победная ухмылка.

– Просто выполняй свою работу, не задавая вопросов. И тебе, очевидно, придется помогать мне, пока я не реабилитируюсь.

Что удивительно. Мейкон никогда не любил проявлять слабости. Сам факт того, что он ждет от меня помощи, не только удивляет, но и шокирует.

– Хорошо, – выдыхаю я, но вместо чувства облегчения появляется нечто похожее на крошечное пятнышко света в конце туннеля. Все не так уж плохо.

Это будет похоже на годичный визит к стоматологу, и ты это знаешь.

– Что касается приготовления еды, – говорит он, пока мы идем по коридору, – мне нужна здоровая пища. Никакой тяжелой южной дряни.

Я не утруждаю себя объяснять ему, что не вся южная кухня тяжелая. И уж точно не дрянь. Он это прекрасно знает, просто... Мейкон просто пытается вывести меня из себя.

– Съёмки возобновляются в июне, – продолжает он, то ли игнорируя, то ли не замечая моего косоного взгляда, – и у студии случится припадок, если я наберу хоть пару килограмм.

– Приходится держать свою задницу в идеальной форме ради всех тех обнаженных кадров на экране?

Мейкон останавливается, и воздух становится слишком плотным, когда его взгляд скользит по мне, а улыбка сочится самодовольством и сексуальностью.

– Итак, Делайла, значит ты пялилась на мою задницу по телевизору?

– Я нет. Сэм да. Но, видно, этого оказалось недостаточно, чтобы удержать ее рядом, да?

Он прищуривается.

Что. Ты. Творишь? Ты не должна подначивать его!

Но если я полностью прогнусь под него, то можете считать меня покойником. Существует тонкая грань, когда вы имеете дело с Мейконом Сэйнтон. Поэтому я просто продолжаю вежливо улыбаться и наблюдать за ним, делая вид, что моя грудь не сжимается, а этот неприятный жар не обжигает кожу.

– Моя комната в самом конце, – говорит он. – Твоя здесь.

Мы останавливаемся у двери через одну от его. Я надеялась на другой конец дома.

Поняв мои мысли, Мейкон смотрит с удивлением.

– Ты должна находиться поблизости на случай, если мне что-то понадобится.

– Серьезно? Это какая-то форма дополнительного наказания?

Мейкон морщит нос в оскорблении.

– Иисусе, Делайла. Я попал в автомобильную аварию. Мне необходимо, чтобы кто-то находился рядом. Вот и все.

Он выглядит таким расстроенным и оскорбленным, что я опускаю плечи.

– Прости. Я немного напряжена.

– Серьезно? – Но его хмурый взгляд становится мягче, когда он тянется к двери. Он вкатывается в комнату, а затем отъезжает в сторону, чтобы я могла пройти.

Комната просто невероятная. По размеру она такая же

большая, как и гостиная в моем доме, в одной части расположена зона отдыха, в другой кровать с льняным изголовьем. Но меня захватывает вид на сверкающий океан и залитое солнцем небо. Французские двери, ведущие на широкую веранду, манят подойти поближе.

– Все еще хочешь жить в гостевом домике? – говорит Мейкон позади меня.

Я еще раз оглядываюсь вокруг, испытывая искушение либо броситься на мягкое белое покрывало на кровати, либо выбежать на балкон и расположиться на плетенных стульях.

– Думаю, эта комната подойдет.

– Пока мы ждем Норта, я покажу тебе оставшуюся часть дома, а потом ты можешь приготовить мне завтрак.

Я уже почти забыла, почему я здесь.

Мейкон ведет меня мимо других гостевых комнат, тренажерного зала наверху, кабинета, а затем мы спускаемся на первый этаж, где расположен домашний кинотеатр, винная комната со стеклянными стенами, уютная гостиная и просторный зал на открытом воздухе. Все выглядит великолепно, однако я направляюсь на кухню в нетерпении осмотреть ее.

Я пытаюсь сдерживаться, но это сложно. В кухню вложили немало средств, начиная от мраморных столешниц, которые идеально подойдут для выпечки, и заканчивая огромным холодильником от Sub-Zero.

У меня перехватывает дыхание при виде массивной пли-

ты с черной эмалью и латунию.

– Ох, La Cornue¹⁶.

– Что? – спрашивает Мейкон, как будто я сошла с ума.

– Твоя плита. – Я поглаживаю ее гладкий край. – Это уникальная вещь для приготовления пищи. – И стоимостью около сорока тысяч долларов, если брать в розницу. Клянусь, мои глаза даже немного слезятся.

Мейкон продвигается дальше по кухне.

– У меня есть фанаты, которые смотрят на меня так же, как ты на эту плиту.

– С их приоритетами явно непорядок. – Я наклоняюсь, чтобы осмотреть духовку. Идеальна. – Ты ей когда-нибудь вообще пользовался?

– Кажется, я сжег несколько яиц, пока пытался приготовить омлет. В основном я пользуюсь микроволновкой.

Я складываю руки на груди.

– Да ты меня просто убиваешь.

Мейкон одаривает меня искренней улыбкой, отчего его лицо из сурового и недовольного становится почти мальчишечьим. От этого захватывает дух. Я настолько ошеломлена, что почти прослушиваю его ответ.

– Если тебе интересно, то у меня есть потрясающий блендер. С его помощью я делаю офигенный коктейль из водорослей.

– Ты так радуешься коктейлю из водорослей? Мне тебя

¹⁶ Французский производитель печей и кухонных плит.

почти жаль, Сэйт.

Внезапно его приветливое выражение лица тускнеет.

– Не называй меня Сэйт. Мне не нравится, как это звучит из твоих уст.

Задетая его словами, я отворачиваюсь и осматриваю холодильник. Я практически забыла, что мы с Мейконом не очень-то хорошо ладим друг с другом. Такое легко случается, и это всегда немного разочаровывало в общении с ним. Потому что Мейкон становится обаятельным, забавным и привлекательным, когда того захочет. Он привлекает людей так же, как яркое пламя мотыльков. Только я единственная, кто обжигается. Все остальные уходят счастливыми, желая узнать его получше.

– Тебе нужно сказать мне, где ты хочешь есть, – говорю я, сосредоточив свое внимание на работе. – Хочешь, чтобы я приносила тебе еду на подносе? Или накрывала на стол в определенной комнате?

От его присутствия у меня подкашиваются ноги, потому что я знаю, что он наблюдает за мной. Поганая ситуация.

– А также о любых пищевых аллергиях, которые могут возникнуть, – продолжаю я, когда не слышу ответа. – Я прочитала об ограничениях в продуктах, которые диетологи студии назначили тебе. Мне придется проявить творческий подход, поскольку с этим мало что придумаешь. Позже я съезжу в магазин.

Кухонные часы тихо тикают.

– Ты сейчас дуешься? – наконец спрашивает Мейкон спокойным голосом.

По коже пробегает резкое покалывание, и я стискиваю челюсть так сильно, что она начинает болеть. И, как только понимаю, что не стоит кричать, отвечаю размеренным тоном:

– Я поддерживаю профессиональные отношения со своим работодателем.

– Тогда почему ты не смотришь на меня?

Потому что хочу схватить один из прекрасных негибридных помидоров, которые ты выложил в корзинку для фруктов, и запустить его в твою тупую голову.

– Не знала, что тебе нужно постоянное внимание, – выдавливаю я.

– Теперь знаешь, – спокойно произносит он.

Я выдыхаю сквозь стиснутые зубы. Медленно поворачиваюсь и вижу, что он ухмыляется, будто прекрасно знает, что действует мне на нервы.

– Есть старая поговорка, – говорю я вежливо, – «Никогда не кусай руку, которая тебя кормит».

Похоже, он не только не собирается отступить, но и получает удовольствие от происходящего.

– Мне больше по нраву: «Дареному коню в зубы не смотрят».

Эти негибридные помидоры еще больше манят. Мейкон ловит мой взгляд, становясь явно довольнее.

– Попытай удачу, – говорит он, звуча нежно и многообе-

щающе. – Посмотрим, что из этого выйдет.

О, как бы мне хотелось. Я представляю, как по его щекам стекают маленькие красные капельки, а крошечные семена цепляются за его щетину. И этого он и хочет. Мейкон любит препираться со мной. Нужно об этом помнить. Как и не забывать то, что мне тоже нравится препираться с ним.

Нет, *нравится* – неподходящее слово. Получать от этого какое-то странное удовольствие – ближе к истине.

Сделав глубокий вдох, я поворачиваюсь и достаю из холодильника упаковку яиц, затем беру один из помидоров.

– Я приготовлю воздушную яичницу с жареными помидорами, зеленью и пюре из авокадо. – Включаю духовку, прежде чем искать миски и сковороду. О, господи, вся посуда из меди. И французская. Я влюблена.

Позади Мейкон издает раздражительный стон, который обычно издают мужчины, когда считают, что женщины ведут себя неразумно.

– Звучит... как что-то легкое.

– Так и есть. – На его кухне идеальный порядок, поэтому я легко нахожу несколько мисок и венчик.

– Делайла.

Я напрягаюсь. Разбиваю яйцо и отделяю желток от белка. Он снова вздыхает.

– Многие люди зовут меня Сэйнтотом. И только ты зовешь меня Мейконом со сладкой горечью в голосе.

Сладкая горечь? Это описание творит со мной что-то та-

кое, что мне не нравится, что выбивает меня из колеи. Положив руки на прохладную стойку, я молчу, но больше не игнорирую его. В его тоне нет ни капли нежности, он наполнен густотой, будто признание застряло у него в горле, перед тем как он вымолвил его.

– Мне это нравится.

От этих слов я немного расслабляюсь. Но понятия не имею, что ответить.

Как бы то ни было, Мейкон не закончил.

– А как насчет этого? Ты обещаешь не называть меня Сэйнтом, а я сокращаю договор сделки на три месяца.

Я оборачиваюсь.

– Что? С тобой все в порядке? Хотя, очевидно, нет. Тебе последние мозги отшибло в аварии?

Ухмылка Мейкона становится широкой и коварной.

– Купилась.

Секунду я просто смотрю на него. Он разыграл меня? Разыграл! Кровь приливает к лицу.

– Ты... ты... – Не думая, я запускаю в него помидор.

В кресле он не такой уж изворотливый, тем не менее я целюсь левее, и помидор попадает ему в плечо. Однако это не мешает ему смеяться до упаду.

– Проваливай с моей кухни, гаденыш, – кричу я, размахивая венчиком.

– Ухожу-ухожу, – говорит он, все еще смеясь, когда разворачивается и начинает отъезжать. Почти скрывшись из виду,

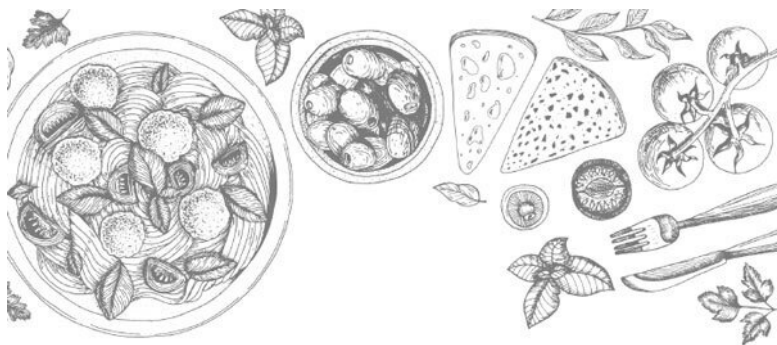
Мейкон окликает через плечо:

– Я тоже скучал по тебе, Картофелька.

К счастью для Мейкона, мне до него не добраться. Поэтому, взяв еще одно яйцо, я продолжаю работать. Однако не могу сдержать улыбку во время приготовления завтрака.

Глава седьмая

Делайла

На следующий день я мечусь между составлением меню на неделю, покупками продуктов, распаковкой вещей и приведением в порядок моей новой кухни. От Мейкона почти ничего не слышно. Он посылает записку, что пропустит завтрак, затем следующую, что будет обедать – жареной курицей и салатом из авокадо в лимонном соусе – наверху в кабинете. Норт приходит, чтобы забрать поднос, а я иду по своим делам. Кроме того, Мейкон через СМС сообщил, что ко всем обязанностям помощницы я приступлю позже. Я поль-

зуюсь случаем и отправляюсь к своему любимому торговцу морепродуктами, а после возвращаюсь домой с мясистыми и свежими креветками и морскими гребешками.

Моя кухня в ресторанчике представляла собой стерильное промышленное помещение со стойками из нержавеющей стали, бетонными полами, покрытыми тускло-серой эпоксидной смолой. Ее освещали резкие флуоресцентные лампы, а ряды потолочных вентиляционных люков издавали постоянный гул. В утренние часы при подготовке там было прохладно, а во время готовки в течение дня становилось жарко. Не особо комфортно, тем не менее достаточно, чтобы накормить огромное количество людей.

На кухне Мейкона же тепло и уютно. Полы выложены из широких досок из твердой древесины, по которым приятно скользить босыми ногами. А через окна проникает солнечный свет, который прокладывает дорожку по мраморным столешницам в течение дня.

В углу спрятана уютная деревянная беседка, из которой открывается вид на океан. Мне нравится сидеть там и пить латте, приготовленный в обычной кофеварке для эспрессо. Я листаю журналы, которыми уже несколько месяцев пренебрегала – не могла найти время расслабиться, пока управляла бизнесом.

В окружении солнца, океана и невероятной красоты дома меня начинает покидать давнее напряжение, поселившееся во мне за последние несколько лет.

На этой кухне я работаю в более медленном темпе, чем на своей. Готовка здесь приносит иного рода удовольствие. Я не спеша погружаюсь в атмосферу блюда, в хруст перца под острием ножа, в свежий запах очищенных овощей, когда их мякоть соприкасается с лезвием.

Мое дыхание становится медленным и глубоким, как будто я медитирую.

Я перестала так готовить для определенного человека – самой себя. Каким-то образом готовка стала гонкой, необходимостью доказать свой талант, и в процессе этого я забыла о том, что люблю.

– О чем ты задумалась, Картофелька?

Голос Мейкона рывком выводит меня из мыслей. Он сидит у кухонного островка, окутанный пятном янтарного солнечного света, который окрашивает его кожу в темно-бронзовый цвет. Свет также подчеркивает синяк вокруг его глаза и напряженные морщинки вдоль рта. Мейкон откидывается на спинку кресла с небрежным видом, в его позе есть притворное спокойствие, но это все ложь. Ему больно.

– По правде сказать, я думаю о том, насколько сильно люблю готовить, – говорю я ему, направляясь к холодильнику.

– Это пока ты не решишь запустить в меня еще один помидор, – беспечно говорит Мейкон.

Я бросаю на него взгляд, и он удивленно смотрит на меня, строя из себя самую невинность. Фыркая, достаю пакет молока.

– Увы, все помидоры кончились. Но у меня есть лишний кочан цветной капусты, так что не искушай меня.

– Ой. – Он поднимает руку в знак капитуляции. – Теперь я буду вести себя прилежно. Честное слово. – Сдерживая улыбку, он перекрещивает руки на своей широкой груди, следя за моими действиями, пока я хватаю мед и специи. – Ты всегда кружилась по кухне так, словно танцевала под музыку, которую могла слышать только ты.

С замиранием сердца я вскидываю брови.

– Серьезно?

– Ты никогда этого не замечала? – он проводит кончиком большого пальца по подлокотнику кресла, следя за мной. – Раньше я завидовал той легкости, благодаря которой ты нашла идеально подходящее для себя место.

– Только одно место, – поправляю я. – Тогда как ты можешь вписаться куда угодно.

Мейкон подтверждает это коротким вздохом, сжимая губы во что-то похожее на улыбку и гримасу одновременно.

– Внешность обманчива. – Он кивает в мою сторону. – Что ты готовишь?

– Латте на основе куркумы. – Я выливаю молоко со специями в капучинатор кофемашины, вспениваю его и нагреваю. Аромат корицы, гвоздики, кардамона и куркумы заполнили всю комнату.

– Пахнет Днем благодарения, – говорит он, когда я разливаю латте по двум чашкам.

– Держи, – протягиваю ему кружку, а после сажусь за островок.

Мейкон подъезжает к концу стола, затем делает глоток.

– Восхитительно.

– Ммм... куркума – прекрасное противовоспалительное средство, которое может облегчить боль.

Мейкон перестает пить, встречаясь со мной взглядом поверх края своей фарфоровой чашки.

– Все не так уж плохо.

– Почему мужчины притворяются, что им не больно, когда на деле все иначе?

– Потому что мы не любим, когда о нас излишне пекутся, – отвечает он с легкой улыбкой.

– Вот в этом и заключается странность, – говорю я, беря свой латте. – Мужчины любят, когда о них заботятся. Ни от кого в жизни не слышала столько нытья, как от болеющего мужчины.

В его глазах загорается блеск вызова.

– Ты упускаешь ключевой фактор. – Мейкон ставит свою чашку на стол. В уголке его губ осталось немного пенки, которую он слизывает кончиком языка. – Мы ведем себя так только тогда, когда хотим, чтобы наши женщины поцеловали нас и обняли, а затем уложили в постель.

Мои щеки горят, и я виню в этом пар от латте.

Взгляд Мейкона останавливается на них, и уголки его губ приподнимаются.

– Только если ты не предлагаешь?

– Помни о цветной капусте, Мейкон. Она будет посерьезней помидора.

Он издает смешок.

– Я так и думал. – Затем его взгляд становится задумчивым. – У тебя есть парень, с которым могут возникнуть неприятности из-за этого соглашения?

Я ухмыляюсь, глядя на дно своей чашки.

– Тебе не кажется, что немного поздно спрашивать об этом?

– Проблема-то не моя, – говорит он, пожимая плечами. – Мне просто любопытно.

– Мои последние отношения закончились несколько месяцев назад. – Ах, Паркер. На бумаге он был идеален: милый, но не страшненький; вежливый, но не проблематичный; успешный специалист по маркетингу с собственной квартирой. Он любил делать куннилингус и не засыпал сразу после секса. А это всегда плюс. Его было легко отпустить, что означает, что это было правильное решение.

Мейкон откидывается на спинку кресла и кладет руки на пресс.

– Что случилось?

– Мы не подошли друг другу.

– Не подошли. – В его голосе слышится скептицизм, будто он допускает мысль, что меня бросили и мне стыдно в этом признаться.

Я со вздохом ставлю чашку на стол.

– Он храпел.

Мейкон громко смеется.

– Ты бросила парня, потому что тот храпел? Господи, Делайла, все время от времени храпят.

– Я знаю. Я не полная дура. – Смотрю на Мейкона, когда он приподнимает бровь. – Нет. Тебя там не было. Это было ненормально. Он храпел так сильно, что его собака выбежала из чертовой комнаты и съезжилась. А сосед колотил по стенам, черт возьми.

Мейкон хохочет, широко улыбаясь.

– И он об этом не подозревал?

– Парень спал так, будто находился в коме, в которую впал из-за храпа. При этом я не могла сомкнуть глаз, когда он был рядом. – Меня пробирает дрожь от воспоминания – подобно бензопиле, натыкающейся на валун. – Возможно, будь я влюблена в него, все было бы по-другому. Секс был отличным, скажу я. Он умело пользовался своим...

– Тебе не обязательно вдаваться в подробности, – невозмутимо говорит Мейкон.

Мне трудно скрыть улыбку.

– Так или иначе, если я была не в силах провести с ним одну ночь, то как могла бы поддерживать отношения на расстоянии, которые были обречены на провал? А у тебя что? – парирую я, желая отвлечь внимание от своих романтических неудач.

– Могу с уверенностью сообщить, что ни одна женщина не обвинила меня в храпе.

– Ха-ха. Ты знаешь, что я имела в виду. У тебя есть какая-нибудь подружка, которая будет странно на меня смотреть, когда узнает, что я здесь живу?

Тон его голоса становится шутливым.

– Хочется надеяться, что моя девушка будет доверять мне достаточно, чтобы не ревновать к женщине шеф-повару, но нет, у меня нет девушки с тех пор, как... ну, твоя сестра. – Его губы кривятся, будто он съел что-то кислое.

– Да ладно, – пишу я, не веря в это. Десять лет и никаких серьезных отношений с девушкой? Это одновременно и безобразие, и ужасающий факт, узнать, что Сэм была его единственной девушкой. Она разрушила его шаблоны? Боже, мне не хочется знать это.

Мысли о Сэм заставляют внутренности сжиматься. Интересно, где она сейчас, чувствует ли она, как мой гнев холодком проходит по ее спине.

Мейкон скривил лицо.

– Я не создан для долгосрочных отношений. Они не приносят мне никакого удовольствия. Честно говоря, я предпочитаю случайные знакомства.

Ну в это я могу поверить. Но Сэм заполняет пространство между нами, как призрак. Ладно, может, как полтергейст. Сэм никогда не была из тех, кто преследует тихо.

– Знаешь, мне правда очень стыдно за Сэм, – говорю я

Мейкону. – Стыдно за то, что она сделала.

Его взгляд мечется между моими глазами, на его лбу образовывается небольшая морщинка.

– Она не заслуживает тебя, Делайла. Никогда не заслуживала.

В ответ я одариваю его горькой натянутой улыбкой.

– Но я все равно люблю ее. Кто бы мог подумать.

Мы допиваем латте в задумчивом молчании, а затем я мою чашки, пока он наблюдает за мной.

– Ужин будет готов примерно через двадцать минут, – говорю я ему.

– Хорошо. – Мейкон не двигается.

– Хочешь, чтобы я подала его здесь?

Теплые карие глаза скользят по мне.

– Я хочу, чтобы ты поужинала со мной.

Я замираю.

– Это не было частью сделки.

Мейкон склоняет голову набок, словно пытается разглядеть меня под новым углом. Что бы он ни увидел, черты его лица становятся мягче, во взгляде ирония.

– Ты боишься есть со мной?

– Я не боюсь. – На самом деле боюсь. Меньше суток я нахожусь в его окружении и уже по уши увязла. В подростковом возрасте я точно знала, как бороться с Мейконом: как подготовиться к столкновению лоб в лоб и как разобраться с сопутствующим ущербом позже. Нынешний Мейкон про-

должает обезоруживать меня моментами редкой честности и тонким юмором. Нынешний Мейкон *флиртует*. Он льстит. Пожалуй, он способен очаровать вора, чтобы тот сдался полиции.

Я слишком долго молчу не в силах что-то сказать, отчего выражение лица Мейкона мрачнеет.

– Ты совсем не изменилась, да? Все еще смотришь на меня так, будто я дьявол.

– Мейкон, – говорю я слабым голосом. – Для меня ты и был дьяволом.

Между нами воцаряется тишина, пока мы смотрим друг на друга. Напряжение в его взгляде подобно живому существу, перед которым я стараюсь не дрогнуть. Наконец он моргает, и в него будто вселяется тень.

– Я поужинаю в кабинете. Напиши мне, когда все будет готово.

Он оставляет меня наедине с моей работой, и я пытаюсь не чувствовать себя виноватой. И с треском проваливаюсь.

* * *

От ДиПрелесть СэммиБейкер:

Порой я и вправду ненавижу тебя.

Большинство из нас предпочитают делать вид, будто не замечают то дерьмо, которое им подкидывает жизнь. Если мы

не думаем об этом, то этого не произойдет. Точно так же, как я притворяюсь, что всего лишь повар для известного актера. Такой значительный факт, что этот актер – Мейкон Сэнт, лучше всего отодвинуть в дальний уголок моего сознания.

Только Мейкон делает все для того, чтобы его было невозможно игнорировать.

Согласно подробному списку инструкций, который он мне предоставил, каждое утро Мейкон любит просыпаться с первыми лучами солнца. По мне так это просто безумие. Если бы людям предназначалось вставать с первыми лучами солнца, они бы никогда не изобрели ночные шторы.

После пробуждения Мейкон *обязан* получить свой коктейль.

Упомянутый напиток – это суперполезный зеленый коктейль со списком ингредиентов длиной с мою руку, который включает в себя шпинат, капусту, яблоко и водоросли. Я добавляю кокосовую воду и половину банана для придания сладости, потому что без нее смесь по вкусу напоминает грязные носки.

Он отправляет сообщение насчет своего напитка как раз в тот момент, когда я наливаю жидкость в большой стакан и проклиная раннее утро.

Мошенник:

Почему я должен ждать?

Закатывая глаза, отвечаю.

ДиПрелесь:

Звучит как одна из тех загадок «Какой звук издается при хлопке?»

Мошенник:

Тогда угадай другую загадку, что произойдет, когда Мейкон наберет 911, чтобы сообщить об ограблении?

Придурок. Серьезно, неужели он не мог сегодня проявить немного смирения и пассивности.

ДиПрелесь:

У тебя есть только три попытки угрожать мне этим. После этого я уберусь отсюда.

Понятия не имею, пьет ли Мейкон с трубочкой или нет, однако ранее я нашла в ящике стола большую закрученную соломинку. Я бросаю ее в стакан, когда приходит новое сообщение.

Мошенник:

Умираю от желания увидеть, как ты это делаешь. Поднимайся сюда, чтобы я мог истратить свою квоту угроз.

«Сюда» – это рабочий кабинет наверху в дальнем конце дома, представляющий из себя небольшой полностью стеклянный купол с убийственным видом. Мейкон сидит за сто-

лом с почти панорамным обзором. Он машет мне и продолжает с кем-то разговаривать.

– Я в порядке, Карен. Синяки почти сошли с лица. – Не глядя, он берет свой коктейль, но останавливается, когда красная закрученная трубочка ударяет его по носу.

Пытаясь изобразить невиновность, я прикусываю губу изнутри, пока он пристально смотрит на меня. Не сводя взгляда, Мейкон высовывает язык и ловит им конец трубочки. Это должно выглядеть нелепо: Мейкон усердно высасывает коктейль из извилистой детской соломинки, отчего его худые щеки становятся впалыми.

Я ощущаю каждый глоток вместе с этой соломинкой.

Сумасшествие. Полное безумие.

Делаю движение, чтобы уйти, но он поднимает руку и указывает на кожаное желтое кресло у окна. По-видимому, я должна сесть и остаться. М-да. Сажусь и слегка покачиваю ногой в нетерпении.

– У меня новая помощница, – говорит Мейкон Карен, бросая на меня испепеляющий взгляд и выбрасывая трубочку в мусорное ведро. – Да, снова. – Его губы слегка изгибаются.

Я размахиваю ногой с еще большей силой. Взгляд Мейкона останавливается на ней, и его веки слегка опускаются. Теперь я иначе смотрю на свое решение надеть джинсовые шорты, которые привлекают его внимание к моим голым ногам, и замираю.

Это не мешает ему продолжать пялиться. Его взгляд становится задумчивым, когда Мейкон откидывается на спинку стула.

– Ага, – бормочет он в трубку.

Мышцы внутренней стороны бедра затекают, и я перекидываю одну ногу на другую, меняя положение. В этой чертовой комнате слишком жарко, так как нет штор, чтобы приглушить лучи утреннего солнца, которые падают на мои плечи и верхнюю часть груди. Я борюсь с желанием обмахнуться веером.

На губах Мейкона расплзается медленная улыбка, и он поднимает голову, пока наши взгляды не пересекаются.

– О, она не создаст никаких проблем. – «Под страхом смерти» – подразумевает выражение его лица.

Я медленно поднимаю средний палец, делая вид, что наношу им помаду. Его улыбка становится самодовольной, и он впивает зубы в нижнюю губу, будто пытается сдержать ее.

– Назови это чутьем, – говорит он Карен. А затем смотрит на океан и делает еще один большой глоток коктейля.

Карен что-то бормочет, от чего его ноздри раздуваются в явном раздражении.

– Ради всего святого, нет. – Пауза. – Потому что она моя сотрудница и всего лишь... нет.

Мейкон кажется таким оскорбленным, что у меня все внутри сжимается. Потому что не нужно быть гением, чтобы понять, что Карен спрашивает, трахаемся ли мы. Мейкон

потирает лоб.

– Она не актриса. – Он задыхается от смеха. – Поверь мне, она не хочет никак относиться к этой сфере. Ты поймешь, когда встретишься с ней.

Самодовольная уверенность в его тоне скользит по моей коже, как песок.

– Хватит вопросов, – говорит он, нетерпеливо взмахивая рукой. – Мне пора.

В комнате воцаряется леденящая тишина, а я наслаждаюсь звуками волн, что разбиваются о берег. Не собираюсь приносить ему удовольствие, спрашивая, почему он хотел, чтобы я услышала его разговор. Мы не пересекались друг с другом с прошлой ночи, после того как неловко закончили кухонную перепалку. Что меня устраивает – работодатели не должны проводить время с прислугой.

Тем не менее сейчас Мейкон сидит в своем кресле, как хозяин поместья. Он впивается в меня пристальным взглядом, который давит на грудь, словно надоедливый палец, заставляя посмотреть ему в глаза. Я не поддаюсь этому импульсу.

Мейкон допивает свой напиток, прежде чем заговорить.

– Ты подложила в него что-то.

– Мышьяк. Я бы подложила его в печенье, но ты на диете.

В его глазах поблескивает мрачное веселье.

– Этот рот. – Он изучает меня из-под опущенных ресниц, лениво поглаживая кончиком пальца нижнюю губу. – Я думал, моя память преувеличивает дерзость, на которую спо-

собен этот рот. Очевидно, что нет.

Раздражение подступает к горлу.

– Моя память кристально чиста, Мошенник. Не притворяйся, будто сам не вел себя ужасно.

Мы смотрим друг на друга с противоположных сторон его стола, пока я представляю, как выливаю этот зеленый коктейль ему на колени. Мейкон нахмуривает брови, и мне становится интересно, известно ли ему, о чем я думаю.

Его голос подобен нежному потоку, прорезающему тишину.

– Я помню все, Делайла.

Может, он хочет, чтобы это звучало как угроза – а может, как обещание, что однажды придет час расплаты. Но в его словах слышится другое, будто он держал эти воспоминания глубоко в себе, время от времени вытаскивая наружу, чтобы изучить, как какую-то дешевую безделушку, которую вы храните ради ностальгии.

Не дожидаясь ответа, Мейкон кладет на стол новый телефон.

– Это тебе. – Он подталкивает смартфон ко мне. – Мое расписание и список контактов синхронизированы с ним. Все мои звонки будут поступать тебе.

– Все звонки?

– Ага, из этого списка. – Он кивает на телефон, который так и лежит на столе. – Мне могут звонить только ты, Карен и Норт.

Я беру телефон и просматриваю контакты. В нем около сорока имен, как мужских, так и женских.

– Кто эти люди? Твои друзья?

– Только часть из них. В основном там деловые контакты. Каждый раз, когда поступает звонок, отвечай и говори мне. Я перезвоню им, если захочу.

– Каждый раз? Это как-то некрасиво.

– Почему? Потому что я не отвечу? – Выражение его лица что-то среднее между «Наивная бедняжка» и «Разве ты не прелесть?». – Никто не обидится. Они к этому привыкли.

– Тогда хорошо.

– Не отвечай на неизвестные номера. Если высвечивается сохраненное имя, то бери трубку. Но не на остальные, Картофелька. Никогда.

– Господи, из твоих уст это звучит как вопрос жизни и смерти, – произношу я с легким смешком.

Мейкон не моргает.

– Я очень серьезно отношусь к этому. Мир полон неуравновешенных людей. Если кому-то из них удастся дозвониться, ты только подбодришь их своим ответом. – Он складывает руки на животе. – Что подводит к следующему моменту. Пока никто тебя не знает, но, если вдруг кто-то подойдет к тебе и начнет спрашивать про меня, притворись, что понятия не имеешь, о чем они говорят. Отойди от них и немедленно позвони мне или Норту.

Я сжимаю пальцами холодный корпус телефона.

– Ты пытаешься напугать меня?

– Я пытаюсь уберечь тебя. Пообещай, что прислушаешься ко мне, Делайла.

Мейкон настолько серьезен, что я не могу найти в себе силы дразнить его, хотя хочу. Потому что от всего этого мне становится не по себе. Мне не по душе мысль о том, что следует чего-то остерегаться. Вероятно, все эмоции на этот счет отразились на моем лице, потому что он немного расслабляет свои напряженные плечи, а его лицо смягчается.

– Это просто протокол безопасности, Картофелька.

По спине пробегает холод, будто за мной следят призрачные глаза. Я избавляюсь от причудливого образа, стать параноиком не пойдет на пользу.

– Хорошо. Я поняла.

Довольный ответом, Мейкон отъезжает от стола.

– Я отправил тебе список заданий на неделю. По желанию, могу добавить еще кое-что.

Я открываю письмо, о котором идет речь, и читаю его. Нужно забрать вещи из химчистки, туфли и пару костюмов из разных магазинов на Родео Драйв. Также он хочет, чтобы я ответила на гору электронных писем и звонков и перенесла расписание. Во время разговора с людьми я должна придерживаться определенного сценария, чтобы уклониться от разглашения каких-либо подробностей травм Мейкона. Вдобавок он хочет, чтобы я купила подарки из длинного списка на дни рождения разных людей и лично проследила за их до-

ставкой. Ни одну вещь нельзя приобрести онлайн – все они продаются в специализированных магазинах по всему Лос-Анджелесу. В разных концах города.

– Серьезно, – говорю я, закончив читать.

Мейкон сводит брови на переносице.

– В чем проблема, Картофелька?

– Никогда б не подумала, что ты любитель покупок, Мошенник. Это похоже на список, составленный дивой шопинга.

Он фыркает.

– Скажи спасибо, что я не такой.

– И где мне брать время на приготовление еды?

– Придумай что-нибудь.

Я встаю, убирая телефон.

– Это все, сэр? Мне нужно спланировать меню.

Он широко улыбается.

– Сэр. Мне нравится.

У меня чешутся руки, чтобы высказаться и попрощаться.

И Мейкон это знает. Его темные глаза блестят от предвкушения. Но я не доставлю ему такого удовольствия. Как только разворачиваюсь, чтобы уйти, он снова заговаривает:

– О, и я рассчитываю перекусить в десять. Перестань так смотреть и принимайся за работу, копуша.

Да. Я определенно в аду.

Глава восьмая

Мейкон

Руль сильно давит на скулу, подушка безопасности сжалась под шеей, а горячий метал впивается в ногу. Дождь льет сквозь разбитое окно, смывая все, отчего кровь быстрее заливает глаза. Я чувствую боль. По всему телу.

Откуда-то сверху доносится слабый голос сотрудника автосервиса.

– Мистер Сэйт? Вы попали в аварию? Мистер Сэйт?

Во рту разливается металлический привкус крови.

– Мистер Сэйт?

Я здесь. Не оставляйте меня.

– Мейкон? – раздается сладостный, тягучий, как мед, голос. Мне хочется попробовать его на вкус, ощутить на своей коже. – Мейкон?

Вспышка камеры ослепляет глаза.

Боже, посмотрите на него. Он и вправду травмирован. Разве мы не должны вызвать помощь?

Мы только сделаем еще один снимок. Потрогай мышцы его рук. Они такие твердые.

Они фотографируют меня, застрявшего в машине. Они,

черт возьми, лапают меня. Пока я скручиваюсь от боли. Чья-то рука хватается меня за плечо. Я кричу, размахиваю руками и попадаю по чему-то твердому. Раздается сильный грохот.

– Мейкон! Какого черта?

Это ее голос, уже не медово-сладкий, а резкий и сердитый. Голос, который я никогда не смогу выкинуть из головы. Голос, который вытаскивает меня из тумана воспоминаний. С каждым вздохом зрение проясняется. Делайла стоит на коленях на полу, собирая остатки того, что выглядит как мой ужин.

– Черт, прости, – говорю я, искренне ужасаясь, что замахнулся на нее.

– Да что на тебя нашло? – шипит она. – Я несколько раз позвала тебя по имени, а ты просто сидел и смотрел в окно.

– Я спал. – Провожу рукой по лицу и понимаю, что оно все влажное от пота. – Я сделал тебе больно?

– Я в порядке. Но вот поднос может возмутиться, что его ударили. – Она бросает на меня свирепый взгляд, и я готовлюсь к еще одному выговору, но суровое выражение ее лица смягчается. – Тебе приснился кошмар?

– Просто был дезориентирован. От обезболивающего у меня мутнеет рассудок.

Поза Делайлы становится расслабленной.

– Мне не следовало хватать тебя, не проверив, проснулся ли ты. Папа всегда говорил, что опасно будить людей во время кошмара.

– Это был не кошмар. – Ложь вылетает слишком быстро. По-видимому, оттого, что я привык лгать. Мне чертовски не хочется видеть жалость в ее глазах. – Хотя согласен, что не стоит хватать людей, пока они спят. Немного грубо, скажу тебе. – *Боже, Мейкон, заткнись. Мерзкий хам.* Но, видать, я ничего не могу с собой поделать рядом с этой девушкой.

Она морщит нос.

– Похоже, вести себя как заноза в заднице – обычное для тебя дело.

– Мы снова говорим о моей заднице. – Я заставляю себя улыбнуться. – Ты так много о ней думаешь?

Ее ответная улыбка жалит и кусает.

– Я думаю о том, как пнуть тебя по ней каждый раз, когда мы находимся в одной комнате.

Смех вырывается на свободу, давя на ноющие ребра.

– В это я могу поверить. погоди, давай я помогу тебе. – Не задумываясь, наклоняюсь, чтобы помочь ей, и тут же жалею об этом, когда укол боли пронзает бок. Делайла слышит мое шипение и следит за тем, как я откидываюсь на спинку кресла.

– Мейкон, когда ты признаешь, что тебе больно? – она поднимается, чтобы помочь.

Дрожь пробегает по спине. От мысли, что она прикасается ко мне из жалости, у меня стынет кожа.

– Не надо, – огрызаюсь я. Разум кричит, что я делаю только хуже, но рот не хочет закрываться. – Не прикасайся ко

мне.

Делайла замирает, не убирая от меня руку. У нее тонкие пальцы с коротко подстриженными ногтями и многочисленными мелкими шрамами и мозолями, портящими кожу. Руки шеф-повара. Она сжимает свои умелые, измученные пальцы в кулак.

– Не прикасаться? – мрачно повторяет она, в ее словах все еще слышится боль и возмущение. – Серьезно?

Жар окутывает шею. Я не знаю, как объяснить ей, почему не могу позволить ей прикасаться к себе прямо сейчас.

– Мне не нужна помощь.

Секунду Делайла пристально смотрит на меня. Меня захлестывает стыд. Слишком давно я не испытывал подобных эмоций и вот теперь задыхаюсь от них.

Но именно это она и делает со мной – разоблачает, обнажает все углы души, которые я хочу скрыть, которые необходимо скрыть.

Раздраженный, пытаюсь откатиться назад. Колеса кресла наезжают на упавший поднос, и тот хрустит.

– Вот блин!

– Позволь мне... – Она протягивает руку, но я отступаю.

И ударяюсь об угол стола больным боком.

– Черт!

Делайла встает в попытке помочь.

– Ты не туда едешь.

– Я не...

Внезапно вокруг нас воцаряется балаган, когда я нажимаю на рычаг и кресло начинает врезаться во все подряд. Делайла прыгает по комнате, чтобы колеса не раздавили ей пальцы на ногах, и кричит, чтобы я позволил помочь.

– Я сам, – огрызаюсь я. – Просто отойди.

Ее щеки заливают темно-красный румянец.

– Ты кружишь как сердитая пчела! Успокойся.

– Не говори мне... – Лампа с грохотом падает со стола. –

Проклятие! – кричу я. – Оставь меня в покое, Делайла!

Мой приказ обрушивается с силой, подобной кнуту, от которой Делайла вздрагивает. Этого достаточно, чтобы заставить нас остановиться. Тяжело дыша, я смотрю на нее одну ужасную секунду: удивленно распахнутые глаза, приоткрытые губы и взволнованное дыхание. Затем на ее лице появляется вспышка знакомого мне гнева, который я не видел десять лет.

– Да что, черт возьми, с тобой происходит? – кричит она, подбоченясь.

Делайла стоит надо мной, как учительница, готовая прочитать лекцию. Повязка на моей груди давит.

– Ничего, что не могло бы исправить предоставление личного пространства.

Делайла громко и протяжно фыркает.

– Вряд ли это то, что тебе нужно. Ради всего святого, Мейк-кон. Ты нанимаешь меня отчасти для того, чтобы я помогала тебе, пока ты выздоравливаешь, но, как только я пытаюсь

предложить тебе помощь, у тебя начинается истерика.

Истерика? Я начинаю нервно щелкать зубами.

– Я тебя не нанимал. Ты сама пришла ко мне. – Я ударяю большим пальцем по груди, как бы подчеркивая эти слова. – И часть сделки заключалась в том, что ты будешь беспрекословно подчиняться моим приказам.

Видно, что она изо всех сил старается сохранять хладнокровие. Делайла делает глубокий вдох, отчего ее грудь высоко поднимается. Не хочу уделять этому внимание. Не хочу, чтобы она находилась рядом.

– Послушай, – начинает она, – я просто пыталась помочь тебе выбраться из-под стола.

Теперь мне становится тесно в собственной коже, теле, одежде. Я разоблачен.

– Я сказал, что мне не нужна твоя помощь.

– Все говорит об обратном.

– Убирайся.

Она лишь приподнимает бровь, скрещивая руки под своими пышными сиськами.

Во мне поднимается неуправляемая ярость, беспомощность и отчаяние. Неприятный жгучий поток эмоций разливается по телу, и, не задумываясь и не заботясь ни о чем, я выплескиваю его наружу.

– Убирайся! Проваливай!

Крик звенит в ушах, разносится по комнате. Он такой громкий, яростный, что Делайла буквально подпрыгивает.

Ее прекрасное лицо бледнеет, и, не сказав больше ни слова, она выбегает из комнаты.

Я смотрю, как Делайла убегает в ужасе от моего поведения. Я никогда не выходил из себя, особенно из-за чего-то настолько неважного и несущественного. Она пыталась помочь. А я оттолкнул ее и накричал.

Непрощенный образ моего отца, стоящий над маленькой версией меня с поднятым кулаком, вспыхивает в голове. Он любил использовать свой рост и силу, чтобы запугивать тех, кто слабее и меньше его.

У меня скручивает желудок, комната болезненно давит.

– Черт.

Пробираясь по обломкам, я выкатываюсь из комнаты в коридор.

– Делайла?

Но, как только ее имя срывается с моих губ, я вижу через верхние окна, как она уезжает.

Делайла

Я не буду плакать. Я не буду плакать. Нет. Этого не произойдет.

Веки покалывает, и из меня вырывается запоздалое проклятие. Когда я увеличиваю скорость, машина подпрыгивает на подъездной дорожке, и я сильно сжимаю руль, отчего пальцы начинают пульсировать. Слова Мейкона до сих пор

звучат в ушах.

Этот засранец. Тиран, подлый... придурок.

Мы всегда ссорились, но он никогда не кричал на меня так. Сила его ярости была ощутима. Она потрясла меня до глубины души.

Ничто не стоит такого ужасного отношения. У меня была своя жизнь. Хорошая. Я оставила ее не для того, чтобы подвергаться словесным оскорблениям.

Перед глазами встает пелена, и я делаю вздох, пытаюсь успокоиться. Еду по шоссе, направляясь подальше отсюда. Подальше от него.

– Черт. – Я бросила все.

И его.

– Плевать. – Я не собираюсь возвращаться. Я уволюсь сама. Черт, он может отказаться от обещания. Не важно. Так или иначе, я явно была не в себе, раз предложила себя в подобном деле. Я возьму маму, и мы отправимся с ней в чудесное, долгое путешествие. Если у нее не будет возможности узнать о Сэм, то она никогда и не узнает.

Мой телефон звонит, жужжа на соседнем сиденье. Быстро смотрю на него, и внутри все переворачивается. Это он. Козел.

Я игнорирую следующие три вызова. Часть меня хочет выбросить телефон в окно. Но я не трусиха. Пожалуй, мне нужно... собраться с силами. Я не боюсь Мейкона, придурка, Сэйнта.

Я отвечаю через встроенный динамик автомобиля.

– Что?

Его голос доносится до меня со всех сторон, такой глубокий и нежный.

– Прости.

Несколько секунд я еду полностью потрясенная, поскольку извинения без вступительной речи – это последнее, чего я ожидала.

– Делайла?

Я прочищаю горло.

– Что? – спрашиваю я с меньшей резкостью.

Его вздох разносится тихим шепотом по тесному пространству автомобиля.

– Прости, пожалуйста.

– Ты уже это говорил.

– Это стоит еще повторить.

– Верно, – признаю я, ведя машину. Тихий океан мерцает оранжевыми искорками, когда солнце приближается к горизонту. Только сейчас я понимаю, что он находится слева от меня, а это значит, что я направляюсь на север. Бог знает куда. Слишком рассеянная, чтобы вести машину безопасно, я въезжаю на парковку прибрежной забегаловки, где продают тако, как раз в тот момент, когда Мейкон вновь заговаривает.

– Я не знаю, что на меня нашло. Я был не в себе. Я никогда... никогда не кричал на кого-то так.

– И, видимо, решил начать с меня.

Мейкон смеется над самим собой.

– Этому нет оправдания. Я не знаю, что сказать, чтобы загладить свою вину.

На языке так и вертится сказать, что ничто не сможет испкупить подобное поведение. Но потом я понимаю, что ему было больно, неловко и стыдно, что он не мог освободиться. Это было написано у него на лбу. Я видела эти эмоции в его глазах, в напряженном выражении лица и в том, как он метался по комнате, словно дикий зверь, пойманный в ловушку. И я вмешалась, игнорирую его просьбу о личном пространстве, уверенная, что смогу все исправить. Что ему тоже стоит вести себя вежливо и прислушиваться ко мне.

Я не выношу, когда мной командуют и нянчатся. Почему Мейкон должен чувствовать себя иначе?

Съездившись, смотрю в окно и вижу вторую закусочную с заколоченными окнами, расположенную на северо-западной части парковки. По сути, это полуразрушенная пляжная лачуга, но с огромной террасой на открытом воздухе, откуда открывается великолепный вид на океан. Было время, когда я мечтала о таком ресторанчике, как этот. О месте, куда могла бы сбежать в поисках вдохновения. Я бы охотно отложила свои мечты ради Мейкона. Ради Сэм. Ради мамы.

– Делайла? – нерешительный вопрос Мейкона возвращает меня к реальности, к нему.

– Да? – шепчу я, прежде чем снова прокашливаюсь.

Он делает громкий вдох.

– Это больше не повторится. Клянусь.

Я фыркаю, глядя на свои покрытые шрамами руки шеф-повара.

– Больше не выйдешь из себя? Мейкон, с таким же успехом ты мог бы сказать, что перестанешь дышать и продолжишь жить.

Он смеется, но смех звучит устало и лениво.

– Ладно, я это заслужил. Ты права, я не могу обещать, что не буду с тобой спорить.

Я закатываю глаза, но он этого не видит. Тем не менее у меня складывается ощущение, что он прекрасно знает, что я сделала это. Может, все потому, что я представляю, как с его лица сходит улыбка, в уголках глаз появляются морщинки от иронии ситуации, а выразительные губы сжимаются в жесткую линию. Такое выражение лица было у него каждый раз, когда мы заходили в тупик – поскольку никогда не могли пойти на перемирие.

– Я больше не сорвусь так, – говорит он. – Обещаю. – Разве не все мужчины так говорят? Я вообще не должна с ним разговаривать. Но почему-то разговариваю. Наверное, потому, что знаю, что тоже накричала бы на него, если бы оказалась на его месте. Где-то внутри я чувствовала уверенность, отвечая на звонок. Барабаню пальцами по рулю. На этот раз он молчит, позволяя мне не торопиться с ответом. Терпение Мейкона не имеет границ, когда он хочет добиться желаемого.

Я бросаю взгляд на старую закусочную. Иногда мечты меняются и меняют тебя. Такова жизнь. Я могу уехать, покинуть это место, погнаться за новой мечтой и оставить его.

– Вернись, – произносит Мейкон, словно слышит мои внутренние желания. – Ты можешь швырнуть в меня еще один помидор.

Мои губы подергиваются в улыбке.

– Это не так весело, если ты не пытаешься убежать.

Вернись. Почему я хочу этого? Что в нем такого, что заставляет меня чувствовать себя такой живой, какой не чувствовала многие годы? Он вызывает во мне странное возбуждение. Заставляет хотеть забыть о мечтах и жить настоящим моментом. Черт побери, я хочу вернуться. Наверное, я больна. Выжила из ума. Мазохистка.

Вздыхнув, я отрываю взгляд от вида и завожу машину.

– Сделаешь подобное еще раз, и я уйду. Наша сделка будет считаться выполненной.

– Хорошо.

– Хорошо. – Я бросаю взгляд на телефон, будто каким-то образом найду его сидящим там. – Но сегодня я не приеду. Не хочу тебя видеть. Или слышать.

Ироничная насмешка окрашивает его голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.